

Гипотеза модернизации и неолиберализм*

Светлана Щербак

Кандидат философских наук, научный сотрудник
Института философии им. Г. С. Сковороды НАН Украины
Адрес: ул. Трехсвятительская, д. 4, Киев, Украина 01001
E-mail: svedep4@gmail.com

В настоящей работе рассматриваются дискуссии вокруг гипотезы модернизации, согласно которой экономическое развитие является причиной установления демократии. Гипотеза модернизации была сформулирована в экономических и социально-политических реалиях середины XX века. С тех пор многое изменилось — и сами общества, и представления о них. Однако эти изменения не учитываются в современных исследованиях взаимосвязи экономического развития и демократии; данная работа ставит своей целью восполнить этот пробел. В статье прослеживается, как с неолиберальным поворотом изменились представления об экономическом развитии и демократии, а также те социальные трансформации, к которым привела реализация неолиберальной экономической политики. В частности, речь идет о росте неравенства и подъеме популизма, которые трактуются как угроза либеральной демократии. В то же время гипотеза модернизации опирается на предположение, что экономическое развитие приводит к выравниванию доходов и формированию широкого слоя среднего класса. Как показывает анализ, в целом эмпирические исследования подтверждают наличие связи между экономическим развитием и демократизацией. Но экономический рост не обязательно влечет за собой более равномерное распределение доходов. Рост популизма косвенно подтверждает справедливость гипотезы модернизации и позволяет сделать вывод, что в демократизации важную роль играет не только установление либеральных институтов, но и изменение социальной структуры вследствие выравнивания доходов.

Ключевые слова: гипотеза модернизации, экономическое развитие, демократия, неолиберализм, неравенство

1. Предпосылки и суть гипотезы модернизации

Вопрос о взаимосвязи экономического развития и демократии является одним из ключевых и наиболее исследуемых — с середины XX века по сей день. И вопрос этот отнюдь не праздный, особенно для постсоветских стран — он напрямую затрагивает вопросы реформирования экономических и политических институтов. Кроме того, он важен для понимания тех тенденций в политической сфере, кото-

© Щербак С. И., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-3-291-328

* Статья написана по результатам стажировки в Council for Research in Values and Philosophy, Washington, DC, USA в 2015 г.

рые сейчас наблюдаются как в развивающихся странах, так и в устойчивых демократиях — речь идет о подъеме популизма.

Изначально обращение к вопросу о взаимосвязи экономического развития и демократии было обусловлено задачами демократического строительства и экономического возрождения послевоенной Европы и развивающихся стран. После Второй мировой войны предшествующий миропорядок претерпел существенные изменения, связанные с дезинтеграцией европейских колониальных империй и возникновением обществ третьего мира как самостоятельных политических и экономических акторов. В условиях биполярного мира для США как страны, в которой получили практическое воплощение идеи либеральной демократии, остро стояла задача противостояния коммунизму как альтернативной стратегии реорганизации обществ (Войтоловский, 2007). Эта задача имела две взаимосвязанные составляющие: во-первых, распространение и утверждение принципов капиталистической экономики, а во-вторых, распространение демократии и демократических ценностей по всему миру.

В этом контексте и возник вопрос о взаимосвязи экономического развития и демократизации, о том, что ставить во главу угла — экономическое развитие или политические реформы? История знает различные варианты практического ответа на эти вопросы. Так, М. Горбачев начал с политических реформ, сопровождаемых вялыми попытками возродить экономику в условиях стагнации, в то время как китайцы предпочли реформировать экономику в рамках авторитарного режима. Это привело к развалу СССР и стремительному экономическому росту Китая в конце XX — начале XXI века. Схожая ситуация экономического роста в условиях авторитаризма наблюдалась в Южной Корее, Испании, Тайване, Сингапуре, Чили. Большинство этих стран в итоге перешло к демократии, но не все, и вопрос о том, с чем это связано и можно ли ожидать демократического перехода в дальнейшем, остается открытым.

На сегодня есть огромное количество литературы, посвященной обсуждаемому вопросу, которую Х. Чейбаб и Дж. Вриланд предлагают сгруппировать следующим образом: связь между экономическим развитием и демократизацией: а) реальная, каузальная и позитивная; б) реальная, каузальная и негативная; в) реальная, но не каузальная; г) ложная (Cheibub, Vreeland, 2012).

Первый вариант и выражает суть гипотезы модернизации, сформулированной, как считается, С. Липсетом (Lipset, 1959). Долгое время она была господствующей, несмотря на то что практически с самого начала ей противостоял альтернативный подход (б), продвигаемый такими авторами, как Б. Мур (Moore, 1966), С. Хантингтон (Huntington, 1968) и Г. О'Доннел (O'Donnell, 1973). Варианты (в) и (г) были сформулированы относительно недавно — (в) был предложен А. Пшеворски и Ф. Лимонжи (Przeworski, Limongi, 1997), а потом развит А. Пшеворски, М. Альваресом, Х. Чейбабом и Ф. Лимонжи (Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi, 2000), а (г) был сформулирован в работах Д. Аджемоглу, С. Джонсона, Дж. Робинсона и П. Яреда (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001; Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared,

2005, 2008, 2009), затем теоретически расширен и дополнен Аджемоглу и Робинсоном (Acemoglu, Robinson, 2012).

Гипотеза модернизации базировалась на ранней теории модернизации, которая, как ожидалось в начале 1950-х, должна была предложить универсальный рецепт преобразования социальных институтов для постколониальных стран, с целью ускорения их социально-экономического и политического развития. Конstellация институтов, присущая странам Запада, в частности англоязычным протестантским странам, получила статус нормативного образца, и сформировалось убеждение, что достичь успеха в деле социального и экономического развития можно за счет экспорта в другие страны структурных условий этих обществ (Sachsenmaier, 2002).

Теория модернизации во главу угла ставила замену традиционных институтов современными. Ключевая роль в этом процессе отводилась индустриализации, а фабрика рассматривалась как «школа модерна». Наиболее распространенный подход в изучении модернизации рассматривал «экономический рост как определяющий источник изменений, который привязывает все остальные модификации к себе» (Кутуев, 2005: 83). Таким образом, предполагалось, что ускоренная индустриализация приведет к ценностным, социальным и политическим трансформациям обществ по западному образцу.

На основе этого подхода и была сформулирована *гипотеза модернизации* (modernization hypothesis)¹. Основная ее идея в том, что экономическое развитие приводит к развитию человеческого капитала и возникновению новой социальной структуры, слишком сложной для авторитарного управления, и таким образом в определенный момент диктатура сменяется демократией. Речь идет именно о каузальной связи между экономическим ростом и демократизацией общества — о том, что экономическое развитие является *главным эндогенным фактором*, определяющим демократический переход, который в то время понимался как переход к электоральной системе формирования власти.

Считается, что гипотезу модернизации сформулировал Липсет, обративший внимание на связь между уровнем дохода на душу населения и демократией: «Чем богаче нация, тем выше вероятность того, что она поддержит демократию» (Lipset, 1959: 75). Речь шла о том, что экономическое развитие сопряжено с качественными изменениями в разных общественных сферах, которые способствуют развитию демократической культуры. Липсет взял несколько индикаторов социально-экономического развития — индустриализацию, урбанизацию, уровень образования, доходов и охраны здоровья (так называемый «комплекс развития») — и проследил их корреляцию с политическим режимом. И сделал вывод, что «общество, разделенное на широкие обедневшие массы и небольшую привилегированную элиту, придет или к олигархии (диктаторскому правлению узкого высшего слоя),

1. В отличие от теории модернизации, которая занимается вопросами развития обществ и перехода к модерну, гипотеза модернизации концентрируется исключительно на вопросе каузальной связи между экономическим развитием и демократией.

или к тирании (диктатуре, основанной на популизме)» (Lipset, 1959: 75). Особое значение он придавал уровню образования как решающему фактору, влияющему на поддержку индивидом демократической культуры. Однако индустриализация, урбанизация, высокий уровень дохода и образование являются *необходимыми, но не достаточными условиями для установления реальной демократии*. Липсет подчеркивает специфичность условий возникновения европейской демократии — в частности, роль рабочего движения и трейд-юнионов в приближении к экономическому равенству в *welfare state*, а также в борьбе широких масс населения за политические права. Ссылаясь на М. Вебера, он утверждает, что наличие корреляционной связи между перечисленными факторами и демократизацией «не оправдывает оптимистическую надежду либералов на то, что возрастание доходов, численности среднего класса, образованности и другие сопряженные факторы будут с необходимостью означать распространение демократии или устойчивость демократии» (Lipset, 1959: 103). Таким образом, позиция Липсета неоднозначна — она дает основания ссылаться на него как на своего предшественника и сторонника гипотезы модернизации, и авторам из числа неонституционалистов (Норт, Уоллис, Вайнгайт, 2011).

Стоит заметить, что Липсет, говоря о трансформации общества в ходе экономического развития, имел в виду прежде всего изменение классовой структуры — формирование широкого слоя благополучного среднего класса, снижение уровня бедности и возрастающую толерантность высших классов к требованиям перераспределения (Cheibub, Vreeland, 2012). Как замечают Дж. Вухерпфенниг и Ф. Дойч, у Липсета «равенство имеет центральное значение как в социально-политическом, так и в экономическом плане. <...> Именно перераспределение и гражданские права и обязанности предотвращают революционную борьбу рабочих, и возникающее в результате экономическое равенство обеспечивает эффективную демократию» (Wucherpfennig, Deutsch, 2009: 1–2). Немаловажно, что статья Липсета была написана в период, именуемый ныне «славным тридцатилетием», которое характеризовалось беспрецедентным снижением неравенства в странах развитого капитализма. Эта тенденция нашла свое отражение в теории «кривой Кузнеця» (Kuznets, 1955), согласно которой на начальных этапах индустриализации неравенство увеличивается, однако внутренняя логика дальнейшего развития приводит естественным путем к более равномерному распределению дохода и постепенному снижению неравенства. Соответственно, под экономическим развитием в гипотезе модернизации подразумевался не просто рост ВВП на душу населения, но реальный рост доходов семей, доступность образования, здравоохранения и прочих общественных благ — словом, кардинальное изменение жизненных условий в развитых странах в середине XX века.

2. Демократия — случайный элемент динамики режима

В течение долгого времени гипотеза модернизации считалась общепризнанной, и то, что экономическое развитие непременно приведет к установлению демократического режима, не ставилось под сомнение. Работы, в которых проводилась мысль, что модернизация не обязательно приводит к демократии, а при определенных условиях приводит к диктатуре, оставались маргинальными — эмпирическая корреляция между уровнем экономического развития и демократизацией была слишком очевидна. Между тем авторы этих работ обратили внимание на то, что: 1) экономическое развитие не обязательно влечет за собой все те трансформации, которые, согласно теории модернизации, должны происходить одновременно; 2) помимо экономического развития есть другие факторы, влияющие на возникновение демократии. Для Мура ключевым добавочным фактором является классовая структура; для Хантингтона это институционализация; для О’Доннела — международные отношения страны с глобальным капитализмом (Cheibub, Vreeland, 2012).

Серьезным вызовом гипотезе модернизации стали работы Пшеворски, а также исследование Пшеворски, Чейбаба, Альвареса и Лимонжи (Przeworski et al., 2000) «Демократия и развитие». Проанализировав статистические данные за период с 1950 по 1990 год, авторы пришли к выводу, что демократия является случайным результатом динамики режима и не обусловлена социально-экономическим развитием — она может быть установлена при любых условиях. То есть нет оснований полагать, что экономическое развитие порождает демократии (Ibid: 167). На установление демократии влияют как объективные процессы, происходящие в том или ином обществе (изменения социальной структуры, возникновение гражданского общества, культурные изменения, экономическая динамика), так и взаимная игра интересов различных разнонаправленных социальных сил. Иными словами, *демократия является контингентным результатом конфликта*, возникающего между акторами (например, между группами элит или между элитой и низшими сословиями), как способ стабилизации ситуации, выгодный всем участникам (Przeworski, 2004a: 304). Установление демократии не является неизбежным, необходимым и необратимым, и предсказать возникновение демократии трудно.

Однако предсказать ее выживание довольно легко. В неразвитых странах демократия хрупка и может быстро прийти к коллапсу — сохранение демократии требует эффективного экономического развития и поддержания высокого уровня доходов. Хотя образование, распределение доходов, политические институты и отношения между политическими силами также оказывают влияние на устойчивость демократии, *уровень дохода имеет определяющее значение* (Przeworski, 2004: 31). Ни один демократический режим, включая период перед Второй мировой, не сменился в странах с доходом на душу населения выше \$6,055: «Богатые демократии пережили войны, мятежи, скандалы, экономические и правительственные

кризисы, бедствия и наводнения» (Przeworski, 2004a: 309). В случае падения доходов ниже некоего порогового уровня, который для каждой страны свой, может возникнуть угроза авторитаризма. Но экономические кризисы не угрожают демократии в более благополучных странах².

Таким образом, Пшеворски и соавторы отвергают эндогенную теорию демократического перехода. В другой своей работе Пшеворски указывает, что демократические институты не обязательно эндогенны — есть множество примеров внедрения чисто экзогенных институтов. Например, переход к электоральной демократии на Тайване зависел не от внутренних причин, но был стимулирован потребностью в поддержке со стороны демократических стран в его геополитическом конфликте с Китаем (Przeworski, 2004b). При этом в модели Пшеворски и соавторов демократии менее стабильны, если изначально наличествует или растет неравенство (Wucherpfennig, Deutsch, 2009).

Эти результаты были подвергнуты критике, которая касалась как слишком узкого понимания демократии, так и методологии исследования и трактовки его результатов. В частности, Д. Эпштейн с коллегами предложили ввести между демократией и диктатурой категорию промежуточных режимов — «partial democracies», которая также позволяет установить четкую связь между экономическим развитием и демократизацией (Epstein et al., 2006).

В свою очередь, К. Бойкс и С. Стоукс (Voix, Stokes, 2003) расширили выборку, дополнительно проанализировав данные за период с 1850 по 1950 год, и объединили их с данными Пшеворски и его коллег. Их анализ показал, что: а) развитие в бедных странах и странах со средним доходом повышает не только вероятность выживания уже установленной демократии, но и вероятность демократического перехода³; б) причиной перехода к демократии является не доход сам по себе, но другие изменения, сопутствующие развитию, из которых важнейшим является *равномерность распределения доходов*; в) причины перехода к демократии и стабильности режима различны — вероятность перехода к демократии зависит от *экономической структуры общества*. По мнению авторов, диверсификация экономики и снижение спецификации экономических активов существенно повышает шансы на демократический переход. Значимость спецификации активов объясняется тем, что в сырьевой экономике, как в случае нефтяных стран Ближнего Востока, доход зависит главным образом от продажи природных ресурсов, и элита, будучи не в силах увезти с собой источник дохода, заинтересована в сохранении авторитарного режима, чтобы противостоять требованиям перераспределения.

2. Как показали недавние исследования, между подушевым ВВП и интенсивностью переворотов и попыток переворотов наблюдается явно выраженная отрицательная корреляция, хотя в целом между уровнем экономического развития и социально-политической нестабильностью наблюдается криволинейная перевернутая U-образная зависимость (Коротаев, Васькин, Билюга, 2017).

3. Любопытно, что переход к демократии осуществлялся до 1949 года при гораздо более низком уровне дохода на душу населения, чем в последующие годы. Авторы оставляют открытым вопрос о том, с чем связано повышение порога доходов, необходимых для перехода к демократии, после 1950 года.

Таким образом, Бойкс и Стоукс показали, что *распределение дохода и структура экономики* имеют ключевое значение при оценке устойчивости демократии и вероятности демократического перехода. Можно предположить, что такая значимость распределения дохода и структуры экономики связаны с тем, что более равномерное распределение и наличие большого количества ниш в экономике препятствуют концентрации экономической власти и ее конвертации в политическую, как это происходит при олигархии. Собственно, считается общепризнанным, что именно наличие широкого слоя среднего класса делает демократию устойчивой.

Подробный разбор и ответную критику работ Бойкса и Стоукс, а также Эпштейна и соавторов можно найти у Чейбаба и Вриланда (Cheibub, Vreeland, 2012), которые, со своей стороны, показывают проблематичность данных, используемых в этих работах.

3. Неинституциональная альтернатива гипотезе модернизации

В настоящее время основной альтернативой гипотезе модернизации считается *гипотеза переломных моментов* (critical junctures hypothesis) — вариант (г) в нашем списке. Она опирается на неинституциональный подход, согласно которому взаимосвязь между экономическим развитием и демократией ложная и объясняется типом институтов, присущим развитым странам. В таком случае именно типы институтов, понимаемые как способ организации общества в целом, являются основным фактором, обуславливающим как экономическое развитие, так и демократию. Аджемоглу, Джонсон, Робинсон и Яред в своих работах (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001; Acemoglu et al., 2005, 2008, 2009) показали, что учет факторов, которые симультанно воздействуют как на доход, так и на демократию — фиксированных страновых эффектов, — устраняет значимую корреляцию между доходом и демократией. На деле указанная корреляция скрывает важные системные различия между странами, которые влияют как на рост дохода, так и на развитие демократии, и эти различия заключаются в качестве экономических и политических институтов, которые тесно взаимосвязаны и образуют единый комплекс. На примере развития Южной и Северной Америки авторы показывают, что недемократические политические режимы и экономическая стагнация неотделимы друг от друга — система принудительного труда (гасиенды) и контроля над индейскими общинами в Андах не способствовали индустриализации и быстрому экономическому росту и в то же время были несовместимы с демократическим представительством. А социальная структура североамериканского общества, состоявшего из мелких собственников, способствовала как экономическому росту, так и развитию демократических институтов (Acemoglu et al., 2008).

Общий вывод Аджемоглу и соавторов заключается в том, что *экономическое развитие и демократизация зависят от экономических и политических институтов*, которые носят искусственный характер и которые могут быть изменены

в переломные моменты — в частности в ходе революций. В дальнейшем Аджемоглу и Робинсон различают экстрактивные и инклюзивные социальные институты, которые определяют направление развития экономической и политической сфер (Acemoglu, Robinson, 2012). По сути, под инклюзивными институтами подразумеваются либеральные политические и экономические институты, а под экстрактивными — все остальные.

3.1. Неолиберальный поворот и переоткрытие институтов

Неоинституциональная альтернатива гипотезе модернизации возникла отнюдь не случайно. Открытие ключевой роли институтов в экономическом развитии произошло в середине 1990-х — это был крупнейший сдвиг в экономической теории того времени (Williamson, 2003). К тому времени в странах Запада уже более 10 лет как утвердилась неолиберальная ортодоксия, пришедшая на смену кейнсианству. Неолиберализм⁴ стал ответом на кризис «кейнсианского государства всеобщего благосостояния», вызванный окончанием послевоенного бума восстановления, а также ростом расходов на войну против Вьетнама (Clarke, 2005). Кризис проявился в замедлении темпов глобального капиталистического накопления, наряду со стагнацией и проблемой финансирования дефицита государственного бюджета, что вынудило правительства ввести жесткую денежно-кредитную политику и сократить планы государственных расходов. И хотя кейнсианство и неолиберализм ориентировались на общий либеральный идеал общественного устройства, в результате неолиберального поворота произошел существенный сдвиг в трактовке общества и экономики, целей развития и способов их достижения.

Если во времена Рузвельта лозунгом либерализма были благосостояние и равенство как условие свободы (Friedman, 1992), то неолибералы своей критикой концепта социальной справедливости перевернули это отношение. В итоге установка послевоенных десятилетий на достижение равенства и справедливости сменилась неолиберальной установкой на максимальную экономическую свободу, которая считалась необходимым и достаточным условием достижения благосостояния и равенства — политического и правового, но не экономического. Соответственно, государство в неолиберализме становится минимальным *neoliberal state*, роль которого сводится к защите прав частной собственности, установлению верховенства права (*rule of law*) и созданию институтов свободного рынка и свободной торговли.

В это время развивающимся странам — в эту волну попали и постсоветские страны — предлагался уже совершенно иной набор рекомендаций и рецептов

4. У нас нет возможности в данной работе разобрать дискуссии вокруг неолиберализма. Некоторые считают неолиберализм свободным набором идей относительно того, как должны быть организованы отношения между государством и внешним окружением (Thorsen, Lie, 2006). Другие считают его всеохватывающей утопической идеологией на манер социализма (Mann, 2013). Для нашей работы этот вопрос не принципиален.

перестройки экономики и институтов управления, чем в период господства кейнсианства. Ни о каком *developmental state* на манер Японии или Южной Кореи в то время речь уже не шла (Pirie, 2013). Задача стимулирования экономического роста обрела иной смысл — если в кейнсианстве непосредственной целью экономической политики были полная занятость населения и построение *welfare state*, для чего допускалось и приветствовалось вмешательство государства в экономику, то неолиберализм сместил акценты, вернувшись к представлению о «невидимой руке» рынка. Кейнсианство признавало несовершенство рыночных механизмов и считало, что задача государства — смягчить последствия их работы. Неолиберализм же, напротив, обратился к «рыночному фундаментализму», трактуя рынок как лекарство от всех болезней, а государственное вмешательство — как главную угрозу свободе: «Неолибералы рассматривают правительство как особо некомпетентный институт, которого чем меньше, тем лучше. Рынок же рассматривается как саморегулирующийся — более гибкий и быстро реагирующий, чем любое государственное регулирование» (Crouch, 2017: 11).

Соответственно, задачей экономической политики стала либерализация финансовых рынков, приватизация, снижение налогов для бизнеса, максимальное снятие барьеров со свободного рынка, включая допуск иностранных компаний к банковскому сектору и прочим активам, сокращение социальных расходов, фискальная дисциплина и т. д., — то есть создание свободного рынка и минимизация государственного регулирования. Собственно целью экономической политики стало накопление капитала и создание богатства как основной меры для улучшения благополучия населения в целом. Предполагалось, что рынок сам выполнит все те задачи перераспределения и повышения благосостояния широких масс населения, которое ставило перед собой кейнсианское государство, и что обогащение отдельных лиц и корпораций работает на всеобщее благо, потому что «приливная волна поднимает все лодки». Таким образом, перераспределение путем прогрессивного налогообложения или же государственного соцобеспечения становится излишним, вводятся меры жесткой экономии.

Итогом неолиберальных реформ стало подчинение реального сектора экономики финансовому (Мапп, 2013). Развитие производства не означало более с необходимостью рост доходов на душу населения, зато концентрация финансовых услуг определенно означала. Поэтому поддержка финансовых институтов и неприкосновенность финансовой системы стала приоритетом сообщества неолиберальных государств, в частности членов G7 (Harvey, 2005).

Индустриализация перестала рассматриваться как базовый путь экономического развития. На смену пришла идея глобального разделения труда, подкрепленная убеждением о равнозначности разных видов экономической активности (Райнерт, 2014). Стратегия индустриализации и импортозамещения, присущая *developmental state*, сменилась стратегией всеобщей либерализации, предполагавшей открытие торговых границ, имплементацию институтов свободного рынка, приватизацию, обеспечение доступа к активам для иностранного капитала, создание

«благоприятного инвестиционного климата» и т. д. Эти меры рассматривались как необходимые и достаточные для стимулирования экономического роста. Совокупность указанных мер, которая в 1989 году была обобщена Дж. Уильямсоном под заголовком «Вашингтонский консенсус», активно продвигалась международными финансовыми организациями, такими как МВФ и Всемирный банк, в развивающихся странах.

Важный аспект неолиберального поворота заключается в том, что неолиберальная экономическая программа стала ключевым элементом глобализации — формирования либерального мирового порядка. Либеральный мировой порядок предполагал создание общего экономического пространства, которое связало бы страны инфраструктурой и потоками товаров, услуг, капитала, знаний и (в меньшей степени) людей (Стиглиц, 2016). Так что концепт «минимального государства» теснейшим образом связан с глобализацией — для осуществления последней необходима минимизация государственного контроля над экономикой и финансами и передача части функций национальных правительств международным организациям, таким как международные финансовые институты и неправительственные организации. Ожидалось, что либерализация экономики и включение стран в либеральный мировой порядок «подтолкнет государства в прогрессивном направлении, определяемом в терминах либеральной демократии» (Ikenberry, 2018: 11).

Проблема, однако, в том, что проведение в жизнь неолиберальных реформ в развивающихся странах, в частности на постсоветском пространстве, привело совсем к иному результату, чем предполагалось. Глубокий финансовый кризис потряс Мексику (1994), Восточную Азию (1997), Бразилию (1998), Россию (1998), Турцию (2000) и Аргентину (2002), которые до этого более-менее последовательно проводили в жизнь рекомендации МВФ (World Bank, 2005). Снимая барьеры для импорта и финансового капитала, указанные реформы на деле не способствовали развитию реального сектора экономики, особенно в случае технологической отсталости экономики и необеспеченности прав собственности, как в бывшем СССР. Не случайно итогом неолиберальных реформ во многих постсоветских странах стало не формирование свободного рынка по образцу развитых стран, а резкое обнищание населения и формирование узкой прослойки сверхбогатой элиты.

Кроме того, как оказалось, либерализация экономики вовсе не обязательно влечет за собой демократизацию. Наиболее яркий пример — Китай: когда в стране начались реформы по либерализации экономики, все ожидали, что за ними в скором времени последует демократизация под влиянием либеральных требований нарождающегося среднего класса (Mesquita, Downs, 2005). Однако этого не произошло. Более того, недавние политические реформы Си Цзиньпина позволяют говорить об усилении авторитарных тенденций в Китае. Другим примером сочетания неолиберального (в определенных аспектах) экономического курса и политического авторитаризма является Россия (Miller, 2018).

В поисках причин подобных провалов экспертная мысль обратилась к несовершенству экономических и политических институтов развивающихся стран. Дело в том, что нелиберальные теоретики считали само собой разумеющимся существование институтов, необходимых для нормального функционирования свободного рынка, или же предполагали, что как только правительственное регулирование будет устранено, они появятся сами собой (Lee, 2001). Со временем проводники политики Вашингтонского консенсуса пришли к выводу, что стандартные реформы не дают предполагаемого эффекта, если фоновые институциональные условия плохие (Rodrik, 2006). Без всеобъемлющих и всеохватывающих реформ, затрагивающих общество в целом, либеральные экономические институты не работают должным образом, поэтому имплементация стандартных экономических институтов западного типа без учета контекста не может обеспечить долгосрочный экономический рост. Недаром уже в Барселонском консенсусе 2004 года теме институтов посвящен первый раздел документа, а качество институтов стоит на первом месте среди факторов успешности стратегий развития (Ананьин, Хаиткулов, Шестаков, 2010). Недостаточно глубокое и всеобъемлющее проведение институциональных реформ стало главным объяснением МВФ провалов Вашингтонского консенсуса⁵ в странах Латинской Америки: «Реформы были неравномерными и остались незавершенными» (Singh et al., 2005: xiv). Таким образом, оригинальный вариант Вашингтонского консенсуса, не предполагавший глубоких институциональных преобразований, был дополнен длинным списком так называемых реформ «второго поколения» («second-generation» reforms), институциональных по своей сути (Rodrik, 2006), направленных на более глубокие нелиберальные преобразования.

Таким образом, появление неоинституциональной альтернативы в значительной мере стало результатом провалов политики Вашингтонского консенсуса в развивающихся странах. Открытие институтов на практике получило подкрепление в академической литературе по экономическому росту, в которой институтам приписывается решающая роль как в экономическом развитии, так и в становлении демократии (Easterly, Levine, 2003; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Acemoglu, Robinson, 2012 etc.). Вопрос о том, как «пересадить» констелляцию либеральных политических и экономических институтов на чужеродную культурную почву, встал с новой силой. На смену «рыночному фундаментализму» 1990-х пришел «институциональный фундаментализм», и «мантра установления правильных цен» сменилась «мантрой установления правильных институтов» (Rodrik, 2006: 10).

Подобный «институциональный фундаментализм» порождает пессимизм относительно возможности устойчивого экономического роста и демократизации без кардинального и всеохватывающего преобразования общества. Однако учи-

5. Это объяснение подвергается критике со стороны других экономистов, указывающих на быстрый экономический рост Индии и Китая, отвергнувших рецепты МВФ и выбравших собственный путь реформирования. Подробнее см.: Д. Родрик (Rodrik, 2006) и доклад Всемирного банка (World Bank, 2005).

тывая глубокую укорененность институтов в обществе, подобные преобразования возможны главным образом в периоды социальных потрясений и революций, преимущественно путем смены элит. Согласно *концепции переломных моментов* (critical junctures), именно тогда открывается принципиальная возможность изменить существующие институты, заменив «плохие» (экстрактивные) институты «хорошими» (инклюзивными). В остальное время работает *принцип зависимости от пути* (path dependence) — преэмптентность институтов обеспечивает институциональную стабильность и в то же время определяет направление дальнейшего развития. Только фундаментальная замена институтов позволяет выбраться из ловушки круговой взаимосвязи плохих институтов и обеспечить успешный экономический рост. С этой точки зрения украинский Евромайдан 2014 года стал именно таким переломным моментом, стартовой точкой для полной институциональной перестройки украинского общества.

Эта точка зрения оспаривается другими авторами — как теми, кто считает, что институты не самодостаточны и не могут играть роль *primary cause* (Przeworski, 2004b; Райнерт, 2014), так и теми, кто отвергает идею прерывности институциональной истории, исходя из представления о ключевой роли неформальных институтов, идеологии и культуры как детерминант экономического процесса (Норт, 1997; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011). Мы не можем в рамках данной работы подробно разобрать дискуссии на эту тему, отметим только, что специалистами Всемирного банка также предлагается не всеобъемлющее глубинное преобразование *всех* институтов, по образцу расширенного Вашингтонского консенсуса, но устранение ограничений, сдерживающих рост, которые индивидуальны для каждой страны, с ее уникальным набором институтов (World Bank, 2005).

Следует отметить, что во всех этих дискуссиях речь не шла об отказе от глобализации и неолиберализма как ее политико-экономического краеугольного камня. Либертарианский идеал М. Фридмана и Ф. Хайека оставался своего рода теоретической моделью, обсуждались только пути ее реализации. Вызов неолиберализму бросил кризис 2008 года и поднявшаяся после него волна популизма (Yakupc, 2018).

3.2. От справедливости к свободе — и обратно?

Итак, неолиберальный поворот в значительной мере *изменил смысл самого вопроса об экономическом развитии и демократии*. Во-первых, изменилось представление о целях и способах общественного развития — социальная справедливость перестала быть основным общественным благом, уступив место индивидуальной свободе, главным выражением которой стала экономическая свобода. Во-вторых, экономический рост стал обеспечиваться не развитием промышленности, но открытостью экономики, иностранными инвестициями, притоком финансового капитала и проч. В-третьих, в понимании демократии акцент сдвинулся с политического участия на построение правового государства и обеспечение гражданских

прав и свобод. Как ни странно, впоследствии возникли определенные проблемы с демократией — не только в развивающихся странах, но и в развитых.

Подъем популизма, как правого, так и левого, в устойчивых демократиях — тема номер один в текущих дискуссиях по демократии и политической экономии. Большинство исследователей видят в популизме *угрозу либеральной демократии* (Mudde, Kaltwasser, 2017). Среди причин подъема популизма указывают прежде всего глобализацию, породившую волну иммиграции в развитые страны в результате открытия границ, деиндустриализацию из-за переноса производства в страны с дешевой рабочей силой, неолиберальные меры жесткой экономии (*austerity measures*), сопутствующий рост безработицы, снижение уровня заработной платы и рост неравенства (Stankov, 2017).

3.2.1. РОСТ НЕРАВЕНСТВА — УГРОЗА ДЕМОКРАТИИ

Предположение о более равномерном распределении дохода в ходе экономического развития, равно как и идея о том, что рынок одинаково работает на благо каждого («экономика просачивания»), имели ключевое значение для обоснования неолиберальных реформ. В этой связи уже упоминалась теория «кривой Кузнецца». Она основывалась на статистических данных о национальном доходе и налоговых поступлениях за период 1913–1948 годы в США. Однако, по мнению Т. Пикетти, сжатие доходов в эти годы во многом стало результатом стечения обстоятельств — Великой депрессии 1930-х, Нового курса Рузвельта, Первой и Второй мировой войны, повлиявших на мировую экономику и геополитику. Кузнец прекрасно отдавал себе отчет в умозрительности своих оптимистических предсказаний, поэтому его концепция носила стратегический характер — ее задачей, по его собственному признанию, было всего-навсего удержание слаборазвитых стран «в орбите свободного мира» (Пикетти, 2015: 32–33)⁶.

Как показывают недавние исследования, справедливость этих предположений спорна — с 1980-х годов неравенство выросло как внутри стран, так и между странами. Однако до кризиса 2008 года эта тема была табуирована неолиберальным мейнстримом и презрительно третировалась как проявление ресентимента, или, по выражению Р. Капелюшникова, «узкой этики зависти» (Капелюшников, 2017). После кризиса вопросы дистрибутивной справедливости, неравенства и его негативных последствий для общества вновь обрели легитимность — о них заговорили не только узкие специалисты, но и политики уровня Б. Обамы (Atkinson, 2015; Boushley, DeLong, Steinbaum, 2017). В теме неравенства речь идет прежде всего о неравенстве доходов, поскольку именно уровень дохода является «индикатором

6. Бранко Миланович оспаривает эту точку зрения, предлагая расширение гипотезы Кузнецца, которое он называет волнами, или циклами Кузнецца, согласно которым периоды роста и снижения неравенства чередуются в результате взаимодействия экономических и политических факторов (Milanović, 2016).

потенциального контроля над ресурсами» (Atkinson, 2015: 37), — *доход имеет отношение не только к потреблению, но и к распределению власти и влияния.*

Немалый вклад в дискуссии на тему неравенства внесла книга Пикетти «Капитал в XXI веке» (Пикетти, 2015), посвященная росту имущественного неравенства, начиная с 1980-х годов. Автор объясняет рост неравенства тем, что уровень доходности капитала превышает показатели роста производства и доходов, как это было до Первой мировой войны. Бурный экономический рост, снижение неравенства и формирование среднего класса после Второй мировой войны было обусловлено уникальным стечением обстоятельств и политическими мерами по перераспределению, сейчас же экономика возвращается к нормальным для нее низким темпам роста. Сохранение этой тенденции в дальнейшем приведет к еще большей концентрации капитала и формированию нового класса рантье. Это будет означать все большую роль происхождения, наследства и связей в продвижении по социальной лестнице, и все меньшую — личных талантов и усилий, что будет способствовать формированию обществ, далеких от меритократических ценностей, лежащих в основе демократических обществ. Соответственно, нужны политические меры по сокращению неравенства.

Книга вызвала бурные дискуссии среди экономистов и представителей других социальных наук⁷ (Boushley, DeLong, Steinbaum, 2017). Рост неравенства, как в глобальном масштабе, так и внутри стран, активно обсуждается в литературе. Так, в «Докладе о глобальных рисках» Мирового экономического форума-2013 «глобальное неравенство доходов» определено как глобальный риск, который, скорее всего, даст о себе знать в течение ближайших десяти лет (Nino-Zarazua, Roore, Tarp, 2016). За период с 1975 по 2010 год, относительное глобальное неравенство неуклонно и существенно сокращалось, главным образом за счет быстрого роста экономик Индии и Китая⁸. Однако фокус на относительном неравенстве скрывает совсем иную картину, которая вырисовывается с использованием «абсолютных» и «центристских» мер неравенства и которая показывает выраженный рост абсолютного неравенства в течение анализируемого периода⁹ (Nino-Zarazua, Roore,

7. Книга подверглась резкой критике — как по части методологии и предложенной объяснительной модели, так и в отношении использованных данных. Широкое освещение в прессе получила дискуссия автора «Капитала XXI века» с изданием «Financial Times», опубликовавшем статью своего экономического редактора К. Джайлса, где тот заявил, что в данных Пикетти есть «необъяснимые ошибки», несоответствия с источниками, что он некорректно использует данные, манипулируя ими (Giles, 2014). Пикетти дал развернутый ответ на критику (Irwin, 2014). Суть аргументов Пикетти состоит в том, что значение аргументов FT преувеличено и что они не опровергают главный тезис его книги о росте имущественного неравенства и концентрации богатства в руках элит с начала 1980-х годов.

8. Примечательно, что реформы в обеих странах были неоднократно раскритикованы за то, что они не следовали предписаниям МВФ и двигались собственным путем (Rodrik, 2006; World Bank, 2005).

9. Рост абсолютного неравенства при уменьшении относительного будет иметь место, скажем, А и В, зарабатывавшие в 1975 году по \$1 и \$10 в день, к 2010 году будут зарабатывать по \$12 и \$100 соответственно. Относительное неравенство остается неизменным, когда доходы увеличиваются равно пропорционально — скажем, увеличиваются вдвое. В данном случае ключевой критический

Tarp, 2016). Аналогичный рост абсолютного неравенства, вопреки предсказаниям, отмечается в Европе, причем неравенство между странами выше, чем неравенство внутри них (Dauderstädt, Keltek, 2017). Внутри стран неравенство растет неравномерно, в зависимости от политики налогообложения и перераспределения доходов (Alvaredo et al., 2017).

Дж. Стиглиц после публикации книги «Цена неравенства», посвященной американской экономике, заметил, что основные тезисы его работы не вызвали возражений: «Даже ориентированный на „свободный рынок“ журнал „Economist“ замечает, что в Америке доля национального дохода, принадлежащего 0,01% (а это примерно 16 тысяч семей), увеличилась с 1% в 1980 году до почти 5% сейчас — это более лакомый кусок, чем получила верхушка (0,01%) во времена „Позолоченного века“» (Стиглиц, 2016: 13). Проблема, однако, не в том, что богатые богатеют, но в том, что бедные при этом беднеют, поскольку потоки богатства на рынке направлены снизу вверх. Исследования показывают, что с середины 1980-х годов в США доля нижних 90% семей в общем пироге национального богатства значительно уменьшилась, и в среднем их реальное благосостояние в 2012 году было не выше, чем в 1986 году, в то время как доля верхнего 0,1% резко возросла (Saez, Zucman, 2016). П. Темин (Temin, 2017) в этой связи указывает на постепенное исчезновение среднего класса в США и формирование дуальной экономики (согласно модели Льюиса), присущей развивающимся странам, с узкой прослойкой обеспеченной элиты и широкими обедневшими массами населения. По его мнению, президентская гонка 2016 года в США обнаружила гнев и отчаяние низкооплачиваемого сектора населения в условиях нарастающего дисбаланса, что и обусловило победу Д. Трампа.

В проблеме неравенства важнейшей составляющей является рост неравенства возможностей и благосостояния вследствие радикального уменьшения социального обеспечения, компенсирующего неравенство доходов, в неолиберальном государстве. Дебаты о сути и показателях благосостояния (welfare) ведутся с 1930–1940-х годов, и многие видные экономисты выступали против того, чтобы считать рост ВВП показателем роста социального благосостояния (van den Bergh, 2009). По мнению Стиглица, «успех функционирования экономической системы можно оценить лишь в ходе исследования стандартов уровня жизни (в широком смысле) обычных граждан в течение определенного временного промежутка» (Стиглиц, 2016: 83). Исследование неравенства благосостояния затруднено несовершенством и неполнотой доступных статистических данных (Alvaredo et al., 2017). Тем не менее, как показали Ч. Джоунс и П. Кленов (Jones, Klenow, 2016), если помимо ВВП

аргумент заключается в том, что если это изменение в распределении означает, что богатейший сможет купить две яхты вместо одной, в то время как беднейший сможет купить двух цыплят вместо одного, неравенство явно вырастет. Абсолютное же неравенство не изменяется, если доходы равномерно увеличиваются на определенную фиксированную величину. Ключевой критический аргумент здесь тот, что если доходы каждого увеличатся на, скажем, 1 млн, то говорить о неравенстве будет бессмысленно. Для преодоления недостатков обоих подходов были разработаны «центристские» показатели неравенства, учитывающие обе крайности. Подробнее см.: Nino-Zarazua, Roore, Tarp, 2016.

учитывать свободное время, уровень потребления, продолжительность жизни и уровень неравенства, показатели благосостояния существенно меняются. Так, с учетом большей продолжительности жизни, большего количества свободного времени и более низкого уровня неравенства уровень жизни в Западной Европе оказывается значительно выше (85% от американского), чем можно было бы ожидать, ориентируясь на ВВП на душу населения (67% от американского). В то же время для большинства развивающихся стран уровень благосостояния оказывается значительно ниже, чем уровень ВВП на душу населения. Соответственно, уровень неравенства в благосостоянии между странами оказывается даже выше, чем уровень неравенства доходов.

Высокий уровень имущественного неравенства ведет к нарушению базового принципа демократии — процедурного равенства (Levin-Waldman, 2016). Нехватка ресурсов не позволяет людям реализовывать собственную свободу и автономию в разных сферах жизни, включая выбор жизненного стиля, реализацию своих целей, участие в публичной жизни (Sen, 1999). Неравенство способствует размыванию общественной сферы и подрыву гражданской солидарности (Sandel, 2009; Colgan, Keohane, 2017), усиливает власть и влияние элит и приводит к эрозии демократии даже в устойчивых демократиях, не говоря уже о более бедных странах (Levin-Waldman, 2016).

В этой связи многие авторы указывают на необходимость определенного уровня перераспределения — как минимум обеспечения доступа к здравоохранению и образованию для малообеспеченных слоев — как одну из главных задач государственной политики: «Денежные результаты — это только одна грань благосостояния. <...> В какой бы мере неравенство доходов, относительное или абсолютное, ни было неизбежным, полисимейкеры должны сделать все возможное, чтобы минимизировать его [неравенства. — С. Ш.] воспроизведение в других областях, обеспечивая равенство возможностей» (Nino-Zarazua, Roore, Tapr, 2016).

3.2.2. ЛИБЕРАЛИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Помимо роста неравенства стоит еще учитывать тот факт, что либеральная демократия — совсем недавнее и очень хрупкое образование и что между либерализмом и демократией существует определенное напряжение.

Демократия и либерализм имеют разные истоки, разный социальный базис и политические импликации, и до середины XIX века они находились в противоречии друг с другом (Fukuяama, 2014). Социальной базой либерализма была состоятельная элита, чья цель заключалась в ограничении властного произвола короны. Ранние либералы хотели верховенства права, но не стремились к тому, чтобы разделить власть с массами. На самом деле классические теоретики либерализма были против всеобщего права голоса — они боялись «тирании большинства». Так, Милль заявлял, что принципы, которые он сформулировал в «On Liberty», не распространяются на малообразованные и неимущие массы (Mukand, Rodrik, 2015).

Современная же демократия стала результатом социальной мобилизации, вызванной индустриальной революцией. Суть демократического движения в XIX веке заключалась в борьбе за расширение политических прав, в требовании политической инклюзии. Социальной базой демократического движения был рабочий класс — в установлении всеобщего избирательного права огромную роль сыграла деятельность консолидированных левых движений конца XIX — начала XX века. Когда западные либералы приняли демократию, это было вынужденное и неохотное согласие. Политически это означало, что либеральные идеи распространяются не только на «достойных» состоятельных людей, но и на всех остальных, независимо от их уровня образования, доходов, социального статуса и прочего (Fawcett, 2014). Либеральная демократия стала компромиссом между либеральными элитами и массами: «Рабочий класс и народные движения были вынуждены взамен признать либеральные ограничения на власть народной воли... а также принять либеральные конституционные процедуры, верховенство права и уважение собственности» (Fawcett, 2014: 144).

Стабильного практического результата либеральная демократия добилась только после 1945 года. Середина XX века — период «встроенного либерализма» (*embedded liberalism*) (Harvey, 2005), когда либеральные свободы были ограничены целями достижения равенства и социальной справедливости. Однако приход неолиберализма отменил эти ограничения, в результате чего индивидуальная свобода получила значение высшей ценности. Общество перестало восприниматься как совокупность социальных групп или классов, а распалось на отдельных индивидов, преследующих свои интересы. Как провозгласила М. Тэтчер, «нет такой вещи, как общество. Есть отдельные мужчины и женщины, и есть семьи» (Clarke, 2014: 52). Вместе с тем политика перестала быть способом реализации мобилизованными массами своих интересов, а партии — их репрезентантами.

Либеральные элиты Запада по-прежнему сохраняют недоверие по отношению к демократическому большинству, во-первых, опасаясь требований перераспределения, а во-вторых, считая большинство некомпетентным для определения целей и способов развития, участия в принятии решений (Patterson, 2014). Неолиберализм элитарен и технократичен: «Хотя современные демократии и поддерживают фасадную видимость формального соблюдения демократических принципов, они всё больше переходят под контроль привилегированных элит» (Муфф, 2013).

Притязательность неолиберализма, на наш взгляд, заключается в сочетании пафоса морального универсализма и притязаний рационального господства. Первый связан с модерным идеалом свободы как базовым, неотчуждаемым и самоочевидным правом человека. Наилучшим образом выраженный в кантианстве, в неолиберализме этот идеал воплощается в идее максимальной экономической свободы и минимального государства. Что касается рационального господства, речь идет о целенаправленном рациональном преобразовании общественного устройства в соответствии с универсальными социальными — в данном случае экономическими — законами, которые являются предметом познания (Wagner,

1994). Не случайно в критической литературе проponentы неoлиберализма часто изображаются как скептически настроенные по отношению к демократии, считающие, что «если демократический процесс замедляет неoлиберальные реформы или угрожает индивидуальной или предпринимательской свободе, тогда демократию следует отставить и заменить управлением экспертов или законодательными инструментами, созданными для этой цели» (Thorsen, Lie, 2006: 15).

Эта двойственность нашла свое отражение как в практиках насильственно-го проведения неoлиберальных реформ в развивающихся странах — к примеру, в Чили, Аргентине, Сингапуре, Ираке и ряде других стран, так и в теоретическом обосновании предпочтительности диктатур, продвигающих либеральные ценности, перед нелиберальными демократиями (Zakaria, 1997). Левые движения также признали безальтернативность неoлиберальной доктрины, сместив акценты с достижения социальной справедливости на защиту индивидуальных прав и свобод, в том числе для разного рода меньшинств (Fraser, 2017). В контроверзе демократического принципа народного суверенитета и либерального принципа индивидуальной свободы победил последний. В итоге доминирующая тенденция сегодня — сводить демократию почти исключительно к правовому государству и защите прав человека, оставляя в стороне вопросы равенства и народного самоуправления как устаревшие (Mouffe, 2000).

В этой связи представляет интерес модель ценностных трансформаций Р. Инглхарта и К. Вельцеля, на примере которой можно увидеть содержательные изменения в гипотезе модернизации. С одной стороны, эта модель согласуется с главной идеей гипотезы модернизации, развивая ее и предлагая каузальное объяснение демократического перехода — «упущенную связь между экономическими изменениями и демократизацией» (Inglehart, Welzel, 2010: 552). С другой стороны, она ставит формирование демократической культуры в зависимость не от индустриализации, а от постиндустриальной экономики, демократию же понимает не как электоральную, но как «эффективную», с акцентом на правах человека и правовом государстве.

3.2.3. ЦЕННОСТНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ

Концепция ценностных трансформаций примечательна тем, что трактует демократию не столько как институциональный, сколько как гражданский феномен (Welzel, Inglehart, Klingemann, 2003). Авторы проводят разграничение между формальной и эффективной демократией, исходя из того, насколько формально институализированные гражданские права эффективны на практике, на низовом уровне (Inglehart, Welzel, 2005). Иными словами, под «эффективной демократией» подразумевается не столько форма правления, сколько «демократическая гражданская культура», реализующая на практике то, что Инглхарт и Вельцель считают центральным элементом либеральной демократии — защиту гражданских прав и верховенство права (*rule of law*). В такой трактовке акцент делается на обе-

спечение свободы выбора — демократия «институционализирует гражданские и политические свободы, предоставляя людям правовые гарантии делать свободный выбор в их приватной и публичной деятельности» (Inglehart, Welzel, 2005: 248). Соответствующую эффективной демократии гражданскую культуру Инглхарт и Вельцель связывают с распространением ценностей самовыражения, или постматериалистических ценностей, противопоставляя их ценностям выживания, или материалистическим ценностям. Эта концепция опирается на результаты лонгитудных исследований, измеряющих динамику ценностных установок в разных странах мира с 1970-х по настоящее время¹⁰ (Inglehart, 2008).

Ценностные трансформации — переход от материализма к постматериализму (Inglehart, 2008), или же от ценностей выживания к ценностям самовыражения (Инглхарт, Вельцель, 2011) — трактуются авторами как результат социально-экономического развития. Они выделяют два вектора результирующих ценностных изменений — от традиционных до рационально-секулярных ценностей, и от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Промышленная революция была связана с переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным; на постиндустриальном же этапе модернизации определяющую роль начинает играть иной сдвиг в культурной сфере — ценности выживания замещаются ценностями самовыражения, что приводит к возрастающей эмансипации людей от власти как таковой. По мнению авторов, формирование этих ценностей обусловлено ослаблением материальных, когнитивных и социальных ограничений свободы выбора, возникновением у людей субъективного ощущения жизненной защищенности.

Некоторые эмпирические данные ставят под вопрос концепцию Инглхарта и Вельцеля о сдвиге ценностных приоритетов в условиях постиндустриальной экономики — на примере исследования Сингапура (Ghang, 2010; Brooks, Manza, 1994). Кроме того, к авторам есть определенные претензии методологического плана (Wucherpfennig, Deutch, 2009; Руднев, 2011; Teorell, Hadenius, 2006), в частности связанные с выбором индикаторов «ценностей самовыражения». Но нас интересует другое — как эта концепция отражает и переосмысляет изменение экономической и демократической составляющей в гипотезе модернизации. На наш взгляд, то, что Инглхарт и Вельцель маркируют как «ценности самовыражения», относится к либеральным установкам, характерным для развитых либеральных обществ. Верховенство права, индивидуальная свобода и защита прав человека — это базовые элементы *либерального дискурса, а не демократического*. Ценности демократической традиции иные — это ценности равенства и народного суверенитета (Mouffe, 2000). Концепция ценностных трансформаций, в отличие от классической теории модернизации, делает в связке либерализма и демократии *акцент на свободе, а не на равенстве*. Недаром, по мнению авторов, наиболее сильное влияние на эффективность демократии оказывают ценности самовыражения, в осно-

10. Результаты доступны онлайн: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSDocumentationWVL.jsp>

ве которых лежит «однозначный акцент на свободе выбора» (Инглхарт, Вельцель, 2011: 371). Однако они не имеют никакого отношения к борьбе за предоставление избирательных прав и социальную справедливость, которая и привела к становлению либеральной демократии. Скорее, они отражают смещение акцентов в понимании современной либеральной демократии с политического участия к свободе выбора и самовыражения.

В рамках концепции ценностных трансформаций нельзя объяснить постдемократические тенденции, характеризующиеся формальным расширением демократии в условиях социальной апатии и концентрации власти в руках старых элит и корпораций (Крауч, 2010). Причем речь идет именно о развитых странах, с эффективной демократией и доминированием ценностей самовыражения, в терминах Инглхарта и Вельцеля. Миланович в этой связи пишет о плутократии в США и популизме или нативизме в Европе (Milanović, 2016).

В контексте обсуждаемой тематики очень любопытны исследования, представленные Паттерсоном. И глубинные интервью, и опросы показали, что для американцев «политическая жизнь в целом и демократия в частности не являются больше содержательной частью семантического поля свободы» (Patterson, 2014: 24). Речь идет о расщеплении свободы и демократии. Паттерсон объясняет это как особенностями американской истории, так и общими чертами современной культуры. Помимо длительности рабства и страха элит перед неуправляемой демократией, он упоминает еще и идею о потенциальном конфликте между свободой и демократией, связанной с взглядом на государство как на *злую силу* (*sinister power*), угрожающую свободе. Государство является в лучшем случае «ночным сторожем», полицейским, обеспечивающим национальную безопасность и личную свободу, а в худшем — потенциальным монстром под управлением коррумпированных политиков.

Как мы видели, именно этот взгляд на государство — базовая составляющая неолиберализма, по мнению которого рынок защищает свободу, тогда как государство угрожает ей. Такой взгляд на государство не мог не подорвать демократию, поскольку *демократия по самой своей сути — это акт участия в политической жизни и вовлеченность в государство* (Patterson, 2014). «Ослабление политической власти также не позволяет людям использовать государственную власть для радикальных изменений. Таким образом, возникает тенденция к ослаблению политической демократии» (Mann, 2013: 132).

Политическое демократическое представительство неизбежно предполагает представление о групповых интересах, групповой солидарности и общем благе. Если же главным регулятором социальных отношений становится рынок, представление об общем благе растворяется (Sandel, 2009). Государство в таком понимании превращается не в посредника между конкурирующими интересами разных групп, а в менеджера по предоставлению услуг населению.

Неолиберализм разделяет свободу и власть экономическую и политическую, перемещая власть из сферы политики в сферу экономики, от государства к рынку

и, в конце концов, от законодательной и исполнительной ветвей власти к судебной (Thorsen, Lie, 2006). Однако если свобода отождествляется со свободой экономической, свободой самореализации, выбора стиля жизни, это ведет к дистанцированию от политического участия и государственной власти, которая становится всего лишь делом эффективного управления.

Еще один важный аспект современной культуры, усиливающий отрыв приватной свободы от публичной жизни — акцент на демонстративное потребление как центральный элемент свободы. В соответствии с установками на индивидуализм и потребление преследующие собственные интересы граждане все больше рассматривают политику (policies) правительства по аналогии с другими рыночными транзакциями, оценивая ее по тому, насколько хорошо они лично были обслужены. Таким образом, гражданин превращается в приватного потребителя, отвергающего политику, преследующую общее благо, как «предоставление чего-либо другим задаром» (Patterson, 2014: 34). М. Крензон и Б. Гинзберг для обозначения этого паттерна отношения к публичной политике вводят термин «персональная демократия»: «Народная демократия превращается в персональную, поскольку новые техники управления разобщают народ в собрание частных граждан» (Crenson, Ginsberg, 2002: X). Таким образом, *приватизированная свобода начинает доминировать над демократией*, которая утрачивает свою значимость и переходит в ведение эффективного менеджмента.

Можно предположить, что подобное расщепление свободы и демократии имеет место не только в США. В любом случае рост неравенства в сочетании с проблемами, вызванными глобализацией и неолиберализацией, включая ослабление политической сферы, перенос власти в сферу экономическую, индивидуализацию и превращение избирателей в потребителей, технократизацию управления, не могли не оказать влияние на кризис демократии и подъем популизма. В частности, если под популизмом понимать «идеологию, которая рассматривает общество как в конечном счете разделенное на два гомогенных и антагонистических лагеря, «чистый народ» против «коррупцированной элиты», и которая доказывает, что политика должна быть выражением *volonté générale* (общей воли) народа» (Mudde, Kaltwasser, 2017: 6). Легко объединяясь с другими идеологиями, правыми и левыми, «в мире, где господствуют демократия и либерализм, популизм, по сути, стал нелиберальным демократическим ответом недемократическому либерализму» (Mudde, Kaltwasser, 2017: 116).

В таком случае подъем популизма является результатом неолиберальной экономической политики — в частности, следствием противоречия между либеральными основами свободного рынка и принципами демократии (Крауч, 2012).

4. Гипотеза модернизации vs. гипотеза переломных моментов

Описанные трансформации политической и экономической сфер способствовали появлению институциональной альтернативы, перенесшей акцент на построение

либеральных институтов, и в то же время получили определенное осмысление в рамках гипотезы модернизации. Работы Аджемоглу и соавторов вызвали бурные дискуссии и целую волну публикаций, посвященных обсуждению их выводов. Наиболее систематический обзор и критику методологических решений Аджемоглу и др., в частности способа кодирования данных, можно найти у Д. Элбоу (Albouy, 2006), Дж. Фримена и Д. Квинна (Freeman, Quinn, 2012), а также у Х. Фариа, Х. Монтесинос-Юфы и Д. Моралеса (Faria, Montesinos-Yufa, Morales, 2014).

В настоящее время волна публикаций на эту тему стихла — главным образом в связи с актуализацией проблемы неравенства и популизма в развитых странах. Именно поэтому интересно посмотреть на результаты исследований сквозь призму новых реалий. В наши задачи не входит оценка этих исследований с эконометрической точки зрения¹¹, поэтому мы только вкратце остановимся на их результатах и выводах. Общая тенденция сводится к попыткам подтвердить или опровергнуть построения Аджемоглу и соавторов благодаря новым эмпирическим данным, или же объединить гипотезу модернизации и неоинституционализм, признав опосредующую роль либеральных институтов.

Так, Дж. Бенхабиб, А. Корвалан и М. Шпигель (Benhabib, Corvalan, Spiegel, 2013) проанализировали нелинейную связь между доходом и демократией и пришли к выводу, что позитивное влияние дохода на демократию, очевидно, имеет место даже после взятия под контроль ненаблюдаемой страновой гетерогенности. Для установления этой связи были использованы более расширенные данные о доходах, а также иные методики оценивания уровня демократии¹². Кроме того, в этих работах использовались Тобит-модели, основывающиеся на идее, что шкала демократии является цензурированной (т. е. что есть некий максимальный уровень демократии, который нельзя превысить).

В свою очередь, Э. Морал-Бенито, Б. де Эспана, С. Бартолуччи и С. Альберто, используя тот же набор инструментов и те же данные, что и Аджемоглу с соавторами, и включив в регрессию фиксированные страновые эффекты, показали, что доход все же влияет на демократию, но это влияние является нелинейным — при достижении определенного порога экономического развития это влияние исчезает (Moral-Benito, Espana, Bartolucci, Alberto, 2012). По мнению авторов, такая зависимость обусловлена тем, что в бедных странах институты менее устойчивы и вынуждены реагировать на изменения в доходах, в то время как политические институты богатых стран меньше зависят от флуктуаций в экономической эффективности. Поэтому недемократические страны, достигающие хороших экономических результатов, могут позволить себе не менять свои политические институты. Этим, по мнению Морал-Бенито и др., объясняется феномен Китая, Сингапура или ОАЭ.

11. Отдельная благодарность д.э.н. С. Левицкому и социологу Е. Большову за консультации по вопросам эконометрики и статистики.

12. Если Аджемоглу и др. пользовались показателями демократии, основанными на данных Freedom House и Polity IV, то Бенхабиб и др. учитывали также индекс демократизации Ванханена.

Еще один вариант трактовки взаимосвязи между демократией и экономическим развитием предлагает Д. Трейсман (Treisman, 2015): экономическое развитие все же приводит к демократии, но не постепенным, непрерывным путем — переход может быть скачкообразным. Стремительное экономическое развитие при авторитарном лидере может привести к демократическому переходу после его смерти, как это случилось в Испании после смерти Франко или в Южной Корее после Пак Чон Хи.

Э. Гундлах и М. Палдам (Gundlach, Paldam, 2009), используя индекс Polity IV в качестве показателя демократии, на выборке с 1820 по 2003 год также нашли доказательство для подкрепления гипотезы демократического перехода. С их точки зрения, гипотеза модернизации подразумевает долгосрочные тренды, а не краткосрочные.

Интересные результаты получились у М. Сервелатти, Ф. Юнга, У. Сунде и Т. Вишера (Cervellati et al., 2012), которые, опираясь на выводы Аджемоглу с соавторами, а также на предложенное ими различие между экстрактивными и инклюзивными институтами, выдвинули гипотезу, что влияние дохода на демократию должно различаться в странах с относительно более экстрактивными институтами и относительно более инклюзивными. На той же выборке, что и Аджемоглу и соавторы, Сервелатти и другие получили иной результат, проанализировав отдельно бывшие колонии и страны, которые никогда не были колониями, а среди колоний — отдельно страны с более инклюзивными институтами, и отдельно — с более экстрактивными¹³. Результат поразителен: «Доход имеет значимое позитивное влияние на демократию в странах, которые никогда не были колонизированы. В противоположность этому результаты показывают значимое негативное влияние дохода на демократию в бывших колониях» (Ibid.: 10). Также наблюдаются различия между колониальными странами — негативное влияние дохода на демократию является значимым для стран, которые управлялись колониальными властями дольше и позже получили независимость, и незначимым для стран, получивших независимость до 1900 года. Эти различия авторы, опираясь на Аджемоглу и соавторов, объясняют тем, что ранняя колонизация носила менее экстрактивный характер — колонии выступали скорее новыми рынками сбыта для европейских товаров, и эти страны получили независимость раньше. В то же время в странах, колонизированных в период империалистической волны колонизации, были установлены более экстрактивные институты.

По мнению авторов, полученные результаты согласуются с предположением Аджемоглу и др. о том, что влияние дохода на демократию гетерогенно и зависит от качества институтов. Иными словами, влияние дохода на демократию опосредовано институтами.

13. При исследовании колоний показателями качества институтов являлись: 1) существование ограничений исполнительной власти в 1900 году; 2) получение независимости до 1900 года или после (предполагается, что более длительный срок независимости позволил развиваться более инклюзивным институтам).

Исследование Х. Фариа, Х. Монтесинос-Юфы и Д. Моралеса (Faria, Montesinos-Yufa, Morales, 2014) также посвящено пересмотру и проверке гипотезы модернизации с учетом данных, полученных Аджемоглу и др. Они применили обобщенный метод моментов в варианте, предложенном Бланделлом-Бондом (system GMM), к выборке с 1970 по 2010 год и включили в исследование в качестве независимой переменной экономическую свободу наряду с доходом, человеческим капиталом и демократией. В качестве показателя экономической свободы был взят индекс EFW, публикуемый Институтом Фрейзера. Как отмечают Фариа и др., «центральным показателем экономической свободы является *качество правовой инфраструктуры*, в частности, степень верховенства права и независимости судебной системы» (Faria et al., 2014: 19). Верховенство права и независимость судебной системы — это ключевые либеральные институты, которые играют центральную роль в *neoliberal state*.

Результаты подтверждают гипотезу модернизации — доход и образование предсказывают демократию даже в краткосрочном (5 лет) плане, в зависимости от экономической свободы. Также уровень дохода и человеческого капитала в 1975 году предсказывает демократические изменения в течение последующих 35 лет, в то время как уровень экономической свободы их не предсказывает. Иными словами, с ростом доходов и уровня образования населения растет и вероятность демократизации страны.

На основании полученных результатов авторы делают вывод, что экономическое развитие влияет на демократию, но это влияние опосредовано институтами. Речь идет о предположении, что один канал причинно-следственных связей идет от институтов и человеческого капитала к развитию, и что «другой канал ведет от развития к демократии» (Faria et al., 2014: 29). По сути дела, эти результаты близки выводам Р. Барро о значимом положительном влиянии «верховенства права, свободных рынков, небольших государственных расходов и высокого человеческого капитала», то есть минимального государства и человеческого капитала, на демократию (Barro, 1996: 23).

Схожие результаты получили Б. Хейд, Д. Лангер, М. Ларч (Heid, Langer, March, 2011), которые нашли подтверждение гипотезы модернизации, используя обобщенный метод моментов Бланделла — Бонда (system GMM). Однако они не включали в регрессию показатели экономической свободы и не учитывали влияние образования на модернизацию.

В этом и предыдущем исследованиях авторы берут в качестве показателя демократии индекс политических прав от Freedom House за 2010 год. Однако данные Freedom House измеряют не столько электоральный процесс, сколько состояние политических прав и гражданских свобод — в отличие, скажем, от индекса Ванханена, который концентрируется исключительно на электоральном процессе. Поскольку уровень демократии не поддается прямому количественному измерению, выбор показателей демократии зависит от того, ограничивается ли анализ электоральной демократией или же обращается к более широким концепциям.

На данный момент нет всеми признанного определения демократии и перечня ее форм и признаков — это остается предметом острых дебатов (Campbell, 2008). Соответственно, нет консенсуса относительно того, как измерять демократии — разные рейтинги принимают разные единицы анализа, от независимых государств до территорий, используют разные шкалы и индикаторы. И если еще Пшеворски с соавторами концентрировались главным образом на электоральном процессе, то работы Аджемоглу и соавторов, равно как и Инглхарта и Вельцеля, передвинули акцент на обеспечение прав человека и качество либеральных институтов.

Другая проблема заключается в выборе показателей благосостояния, о чем шла речь выше. Рост ВВП на душу населения, зачастую используемый как показатель экономического роста, не дает достаточной информации о том, что действительно происходит в экономике и обществе, — о распределении богатства и участия среднего класса, о возможности удовлетворения базовых нужд, о влиянии на окружающую среду и прочих экстерналиях (van den Bergh, 2009).

Очевидно, что на результаты эмпирических исследований влияет выбор стран и временных рамок исследования, выбор показателей социально-экономического развития, трактовка демократии, выбор показателей демократизации и т. д. (Wucherpfennig, Deutch, 2009). Тем не менее налицо стремление учитывать в эмпирических исследованиях по гипотезе модернизации роль либеральных институтов — как экономических, так и политических.

5. Липсет был прав?

Итак, с одной стороны, эмпирические исследования скорее подтверждают позитивную связь между экономическим развитием и демократизацией. С другой стороны, остается открытым вопрос о том, является ли эта связь каузальной.

Сложности в построении объяснительной модели, помимо прочего, связаны с тем, что общества изменчивы, историчны, и в разные периоды в демократизации ключевую роль могут играть разные факторы. Скажем, до Второй мировой войны ключевую роль могли играть скорее эндогенные факторы, но со временем международное влияние, как экономическое, так и политическое, становилось все более выраженным (Geddes, 2014). Не случайно, как показали Бойкс и Стоукс (Voix, Stokes, 2003), экономическое развитие оказывало существенное влияние на демократизацию до Второй мировой войны, после влияние ослабло.

Вместе с тем в большинстве случаев анализ предполагает финансово закрытую экономику, не принимая во внимание экономическое и политическое влияние глобализации (Freeman, Quinn, 2012). Глобализация существенно изменила ситуацию, задав развивающимся странам мощные внешнеполитические стимулы к демократизации. Демократия, вкупе с неолиберальной экономикой и теорией демократического мира, которой в середине 1990-х был придан статус социального закона (Levy, 1994), стали базовыми составляющими построения либерального мирового порядка — продвижение демократии и распространение принципов неолибера-

лизма стали важнейшей целью внешней политики США, особенно после распада СССР. Поэтому фактор экзогенного происхождения демократических институтов, на который указывал Пшеворски, тоже нельзя сбрасывать со счетов.

В то же время, капиталистическая экономика под влиянием неолиберализма существенно трансформировалась в сторону финансиализации, снятия торговых барьеров, гибкости рынков труда и т. д. В итоге возникла определенная угроза для демократии со стороны глобальной экономики, или, как это обозначил Родрик, «фундаментальная политическая трилемма мировой экономики: мы не можем одновременно утверждать демократию, национальное определение и экономическую глобализацию» (Rodrik, 2011: XVIII). В результате переноса власти в сферу экономики и появления новых центров власти, никем не контролируемых и ничем не ограниченных — международных финансовых организаций и ТНК, — национальные правительства утратили контроль над решением многих важнейших для общества проблем. Это порождает у людей ощущение, что их жизнь контролируют иностранные силы — отдаленные и недемократичные (Colgan, Keohane, 2017). При этом демократические институты выхолащиваются, становятся формальными, утрачивая свое прежнее значение и способность контролировать капитал, — говоря словами К. Крауча, «демократия описала параболу» (Крауч, 2010: 20).

Второй аспект современной ситуации — то, что неолиберальная глобализация не только стимулирует экономический рост и увеличивает жизненные стандарты, но и усиливает неравенство, недаром Э. Аткинсон назвал неолиберальный поворот 1980-х «поворотом к неравенству» (Atkinson, 2015). В этой связи стоит обратить внимание на то, что гипотеза модернизации, начиная с Липсета, опиралась на следующее предположение: экономическое развитие влечет за собой развитие демократической культуры в силу *большой доступности образования и других базовых благ*, и главным образом в силу *более равномерного распределения доходов*. Предполагалось, что экономическое развитие ведет к сокращению разрыва между богатыми и бедными и построению более справедливого общества: «Разрыв между доходами белых воротничков, синих воротничков... и обычных рабочих... намного больше в более бедных, чем в развитых странах» (Lipset, 1960: 49). Бойкс и Стоукс также приписывали экономическому равенству центральную роль в возникновении и устойчивости демократии: «По мере развития стран доходы распределяются более равномерно» (Voix, Stokes, 2003: 539–540). В гипотезе модернизации речь идет не об экономическом развитии как таковом, но именно о *повышении уровня жизненных стандартов для населения* (Barro, 1996), о том, что «более высокий доход может редуцировать конфликты и обеспечить поддержку редистрибутивной политики» (Benhabib, Corvalan, Spiegel, 2013: 489).

Гипотеза модернизации приводит к двум главным выводам: 1) установление демократии не является ключом к экономическому росту, поскольку влияние демократии на экономический рост слабое, а «политические свободы имеют тенденцию разрушаться с течением времени, если они не находятся в соответствии с уровнем жизни в стране» (Barro, 1996: 24); 2) лучший способ распространения

демократии — это пропаганда и продвижение западных экономических институтов, а демократические институты разовьются сами в результате экономического роста.

Однако, как показали эмпирические исследования, адаптация неолиберальной западной политики (*policies*) развивающимися странами в большинстве случаев не приводит к выравниванию доходов ни внутри стран, ни между бедными и богатыми странами (Stankov, 2017). Дерегулирующая политика в духе неолиберализма способствует росту доходов на душу населения, но в то же время повышает неравенство. Более того, она не производит больше благосостояния, если понимать его расширенно (Stankov, 2017). Таким образом, *предположение о том, что экономическое развитие само по себе ведет к более равномерному распределению дохода, лучшему доступу к образованию и росту человеческого капитала, оказывается как минимум спорным*. Как отмечает Э. Аткинсон, экономические результаты во многом зависят от политики — нет одной-единственной экономики (Atkinson, 2015). Неолиберализм ведет к экономическому росту и накоплению капитала, но накопление капитала отнюдь не означает рост благосостояния для всех — рынок не работает так, как это предусматривает теория (Крауч, 2012; Стиглиц, 2016; Rodrik, 2011). В итоге рост неравенства и уменьшение среднего класса как основы либеральной демократии, наравне с колонизацией государства корпоративными интересами, может угрожать либеральной демократии даже в развитых странах, не говоря уже о развивающихся.

Таким образом, получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, международное сообщество всячески приветствует и поддерживает демократизацию; с другой стороны, экономические трансформации в результате неолиберальной глобализации приводят к деформации, выхолащиванию демократических институтов, утрате избирателями возможности влиять на политику через политическое представительство. Этот парадокс находит свое выражение в том, что, согласно исследованию Дж. Фримена и Д. Куина (Freeman, Quinn, 2012), открытость и интеграция авторитарных экономик в глобальный финансовый рынок одновременно повышает неравенство в стране и увеличивает вероятность демократизации. Авторы исследования объясняют это тем, что элиты диверсифицируют свои активы, инвестируя за рубежом, и становятся менее зависимыми от налоговой — и не только — политики внутри страны.

На наш взгляд, это свидетельствует о том, что Липсет был прав, и между изменением социальной структуры, распределением доходов, развитием человеческого капитала, с одной стороны, и демократией — с другой, есть устойчивая связь. Но не в том смысле, что *экономическое развитие является prima causa демократии, а в том, что экономические изменения приводят к определенным социальным трансформациям, которые влияют на работу и форму политических институтов*. Базовой предпосылкой гипотезы модернизации является эгалитарное перераспределение экономических активов и развитие человеческого капитала, влияющее на перераспределение политической власти. Таким образом, в демокра-

тизации главную роль играет не только установление либеральных институтов, но и классовая динамика, возможность широких слоев населения продвигать свои интересы. Неoliberalизм же, предоставляя широким массам доступ к политическому участию, одновременно ослабляет их влияние на принятие решений, усиливая влияние глобализированных элит (Colgan, Keohane, 2017).

По мнению многих авторов (Rodrik, 2011; Стиглиц, 2016; Stankov, 2017; Ikenberry, 2017; Якурес, 2018; Deneen, 2018 etc.), в настоящее время наблюдается кризис неолиберализма и либеральной демократии — в результате того, что мы можем обозначить как «нарушение социального контракта» между либеральными элитами и широкими массами. В качестве «лечения» предлагается сдвиг от прорыночной к продистрибутивной политике, восстановление определенного уровня полномочий национального государства, установление менее либерального, но более толерантного международного порядка. Дальнейшее же развитие гипотезы модернизации требует рефлексии на изменившиеся обстоятельства и уточнения базовых понятий.

Литература

- Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Д. (2010). Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // *Мировая экономика и международные отношения*. № 12. С. 15–27.
- Войтоловский Ф. Г. (2007). Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е гг. М.: Крафт+.
- Инглхарт Р., Вельцель К. (2011). Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство.
- Капелюшников Р. (2017). Неравенство: как не примитивизировать проблему // *Вопросы экономики*. № 4. С. 117–139.
- Кортаев А., Васькин И., Билюга С. (2017). Гипотеза Олсона — Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа // *Социологическое обозрение*. Т. 16. № 1. С. 9–49.
- Крауч К. (2010). Постдемократия / Пер. с англ. Н. В. Эдельмана. М.: ВШЭ.
- Крауч К. (2012). Странная не-смерть неолиберализма / Пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Дело.
- Кутуев П. В. (2005). Концепції розвитку та модернізації в соціологічному дискурсі: еволюція дослідницьких програм. К.: Сталь.
- Муфф Ш. (2013). Постдемократия и постполитика // *Гефтер*. URL: <http://gefter.ru/archive/10510> (дата доступа: 07.04.2016).
- Норт Д. (1997). Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Начала.

- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Пикетти Т. (2015). Капитал в XXI веке / Пер. с франц. А. Дунаева. М.: Ad Marginem press.
- Райнерт Э. С. (2014). Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой. М.: ВШЭ.
- Руднев М. Г. (2011). Причины и следствия изменения массовых ценностей (рецензия на книгу: Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство) // Экономическая социология. Т. 12. № 2. С. 138–143.
- Стиглиц Д. (2016). Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему / Пер. с англ. Е. Рождественской. М.: Эксмо.
- Токарев А. А. (2014). Рейтинги демократии: от ангажированности к науке // Перспективы. URL: http://www.perspectivy.info/misl/idea/rejtingi_demokratii_ot_angazhirovannosti_k_nauke_2014-03-06.htm (дата доступа: 11.06.2017).
- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown Publishers.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation // *American Economic Review*. Vol. 91. № 4. P. 1369–1401.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2005). From Education to Democracy? // *American Economic Review*. Vol. 95. № 2. P. 44–49.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2008). Income and Democracy // *American Economic Review*. Vol. 98. № 3. P. 808–842.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2009). Reevaluating the modernization hypothesis // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 56. P. 1043–1058.
- Albouy D. (2008). The Colonial Origins of Comparative Development: An Investigation of the Settler Mortality Data (NBER Working Paper No. 14130). URL: <http://www.nber.org/papers/w14130> (дата доступа 20.11.2015)
- Alvaredo, F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2017). Global Inequality Dynamics: New Findings from WID.world // *American Economic Review*. Vol. 107. № 5. P. 404–409.
- Atkinson A. B. (2015). *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge: Harvard University Press.
- Barro R. J. (1996). Democracy and Growth // *Journal of Economic Growth*. Vol. 1. P. 1–27.
- Benhabib J., Corvalan A., Spiegel M. (2013). Income and Democracy: Evidence from Non-linear Estimations // *Economics Letters*. Vol. 118. № 3. P. 489–492.
- Boix C., Stokes S. C. (2003). Endogenous Democratization // *World Politics*. Vol. 55. № 4. P. 517–549.

- Boushley H., DeLong B. J., Steinbaum M.* (eds.). (2017). *After Piketty: The Agenda for Economics and Inequality*. Cambridge: Harvard University Press.
- Brooks C., Manza J.* (1994). Do Changing Values Explain the New Politics? A Critical Assessment of the Postmaterialist Thesis Author(s) // *Sociological Quarterly*. Vol. 35. № 4. P. 541–570.
- Campbell D. F. J.* (2008). The Basic Concept for the Democracy Ranking of the Quality of Democracy. URL: http://www.democracyranking.org/downloads/basic_concept_democracy_ranking_2008_A4.pdf (дата доступа 10.06.2017).
- Cervellati M., Jung F., Sunde U., Vischer T.* (2014). Income and Democracy: Comment // *American Economic Review*. Vol. 104. № 2. P. 707–719.
- Chang J. H.* (2010). The Values of Singapore's Youth and Their Parents: A Case Challenging the Adequacy of Inglehart's Interpretation of Top Value Priorities Derived from World Values Surveys // *Journal of Sociology*. Vol. 46. № 2. P. 149–168.
- Cheibab J. A., Vreeland J. R.* (2011). Economic Development and Democratization // *Brown N. J.* (ed.). *The Dynamics of Democratization: Dictatorship, Development and Diffusion*. Baltimore: Johns Hopkins University Press. P. 145–182.
- Clarke S.* (2005). The Neoliberal Theory of Society // *Saad-Filho A., Johnston D.* (eds.). *Neoliberalism: A Critical Reader*. L.: Pluto Press. P. 50–59.
- Colgan I. J., Keohane R. O.* (2017). The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither // *Foreign Affairs*. Vol. 96. № 3. P. 36–44.
- Crenson M. A., Ginsberg B.* (2002). *Downsizing Democracy: How America Sidelined Its Citizens and Privatized Its Public*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Crouch C.* (2017) *Can Neoliberalism be Saved from Itself?* L.: Social Europe.
- Easterly W., Levine R.* (2003). Tropics, Germs, and Crops: The Role of Endowments in Economic Development // *Journal of Monetary Economics*. Vol. 50. № 1. P. 3–39.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S.* (2006). Democratic Transition // *American Journal of Political Science*. Vol. 50. № 3. P. 551–569.
- Dauderstädt M., Keltek C.* (2017). Inequality in Europe Relatively Stable, Absolutely Alarming. URL: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/13354.pdf> (дата доступа 15.07.2017).
- Deneen P. J.* (2018). *Why Liberalism Failed*. New Heaven: Yale University Press.
- Faria H. J., Montesinos-Yufa H. M., Morales D. R.* (2014). Should the Modernization Hypothesis Survive Acemoglu, Johnson, Robinson, and Yared? Some More Evidence // *Econ Journal Watch*. Vol. 11. № 1. P. 17–36.
- Fawcett E.* (2014). *Liberalism: The Life of an Idea*. Princeton: Princeton University Press.
- Fraser N.* (2017). The End of Progressive Neoliberalism // *Dissent*. January 2. URL: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/progressive-neoliberalism-reactionary-populism-nancy-fraser (дата доступа 4.02.2017)
- Freeman J. R., Quinn D. P.* (2012). The Economic Origins of Democracy Reconsidered // *American Political Science Review*. Vol. 106. № 1. P. 58–80.
- Friedman M.* (1992). *Capitalism and Freedom*. Chicago: Chicago University Press.

- Fukuyama F.* (2014). *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux.
- Geddes B.* (2009). What Causes Democratization? // *Boix C., Stokes S. C.* (eds.). *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press. P. 317–339.
- Giles Ch.* (2014). Thomas Piketty's Exhaustive Inequality Data Turn Out to Be Flawed // *Financial Times*. May 23. URL: <https://www.ft.com/content/c9ce1a54-e281-11e3-89fd-00144feabdco> (дата доступа 3.05.2017).
- Gundlach E., Paldam M.* (2009). A Farewell to Critical Junctures: Sorting Out Long-Run Causality of Income and Democracy // *European Journal of Political Economy*. Vol. 25. № 3. P. 340–354.
- Harvey D.* (2005). *A Brief History of Neoliberalism*. Oxford: Oxford University Press.
- Heid B., Langer J., Larch M.* (2012). Income and Democracy: Evidence from System GMM Estimates // *Economics Letters*. Vol. 116. № 2. P. 166–169.
- Huntington S. P.* (1968). *Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press.
- Ikenberry G. J.* (2018). The End of Liberal International Order // *International Affairs*. Vol. 94. № 1. P. 7–23.
- Inglehart R.* (2008). Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. Vol. 31. № 1/2. P. 130–146.
- Inglehart R., Welzel C.* (2005). *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel C.* (2010). Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy // *Perspectives on Politics*. Vol. 8. № 2. P. 551–567.
- Irwin N.* (2014). Thomas Piketty Responds to Criticism of His Data // *The New York Times*. May 29. URL: <https://www.nytimes.com/2014/05/30/upshot/thomas-piketty-responds-to-criticism-of-his-data.html?mcubz=0> (дата доступа 5.05.2017).
- Jacobsen J.* (2015). Revisiting the Modernization Hypothesis: Longevity and Democracy // *World Development*. Vol. 67. P. 174–185.
- Jones Ch. I., Klenow P. J.* (2016). Beyond GDP? Welfare across Countries and Time // *American Economic Review*. Vol. 106. № 9. P. 2426–2457.
- Lee Ch. H.* (2001). From Financial to Democratic Crisis in Asia // *Project Syndicate*. URL: <http://www.project-syndicate.org/commentary/from-financial-to-democratic-crisis-in-asia> (дата доступа 5.09.2015).
- Levin-Waldman O. M.* (2016). How Inequality Undermines Democracy // *E-International Relations*. 10 December. URL: <http://www.e-ir.info/2016/12/10/how-inequality-undermines-democracy/> (дата доступа 10.04.2016).
- Levy J. S.* (1994). The Democratic Peace Hypothesis: From Description to Explanation // *Mershon International Studies Review*. № 38. P. 352–354.
- Lipset S. M.* (1959). Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. Vol. 53. № 1. P. 69–105.
- Kuznets S.* (1955). Economic Growth and Income Inequality // *American Economic Review*. Vol. 45. № 1. P. 1–28.

- Mann M. (2013). *The Sources of Social Power*. Vol. 4: Globalizations, 1945–2011. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mesquita B. B. de, Downs G. W. (2005). *Development and Democracy // Foreign Affairs*. Vol. 84. № 5. P. 77–86.
- Milanović B. (2016). *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. Cambridge: Belknap Press.
- Miller C. (2018). *The Surprising Success of Putinomics // Foreign Affairs*. 7 February. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2018-02-07/surprising-success-putinomics> (дата доступа 23.02.2018).
- Moral-Benito E., Espana B. de, Bartolucci C., Alberto C. C. (2012). *Income and Democracy: Revisiting the Evidence // Economics Letters*. Vol. 117. № 3. P. 844–847.
- Moore B. (1966). *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*. Boston: Beacon Press.
- Mouffe Ch. (2000). *The Democratic Paradox*. L.: Verso.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Mukand S., Rodrik D. (2015). *The Political Economy of Liberal Democracy*. NBER Working Paper № 21540. URL: <http://www.nber.org/papers/w21540> (дата доступа 18.11.2015).
- Nino-Zarazua M., Roope L., Tarp F. (2016). *Global Inequality: Relatively Lower, Absolutely Higher // Review of Income and Wealth*. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roiw.12240/full> (дата доступа 20.07.2017).
- O'Donnell G. (1973). *Modernization and Bureaucratic-Authoritarianism: Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press.
- Patterson O. (2014). *The Privatization of Freedom in America: Its Meaning and Consequences (Working Paper)*. URL: <https://scholar.harvard.edu/patterson/publications/privatization-freedom-america-its-meaning-and-consequences> (дата доступа: 03.03.2018).
- Pirie I. (2013). *Globalization and the Decline of the Developmental State // Fine B., Saraswati J., Tavasci D. (eds.). Beyond the Developmental State: Industrial Policy into the Twenty-First Century*. L.: Pluto Press. P. 146–168.
- Przeworski A. (2004a). *Democracy and Economic Development // Mansfield E. D., Sisson R. (eds.). The Evolution of Political Knowledge: Democracy, Autonomy, and Conflict in Comparative and International Politics*. Columbus: Ohio State University Press. P. 300–324.
- Przeworski A. (2004b). *The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? // European Journal of Sociology*. Vol. 45. № 2. P. 165–188.
- Przeworski A., Cheibub J. A., Alvarez M.E., Limongi F. (2000). *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Przeworski A., Limongi F. (1997). *Modernization: Theories and Facts // World Politics*. Vol. 49. № 2. P. 155–183.

- Rodrik D. (2011). *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of World Economy*. N.Y.: W. W. Norton & Co.
- Rodrik D. (2006). Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion?. URL: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> (дата доступа 15.10.2016).
- Sachsenmaier D. (2002). Multiple Modernities: The Concept and Its Potential // *Sachsenmaier D., Eisenstadt S., Riedel J.* (eds.). *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations*. Leiden: Brill. P. 42–67.
- Saez E., Zucman G. (2016). Wealth Inequality in the United States since 1913: Evidence from Capitalized Income Tax Data // *Quarterly Journal of Economics*. Vol. 131. № 2. P. 519–578.
- Sandel M. (2009). *Justice: What's the Right Thing to Do*. N.Y.: Farrar, Straus & Giroux.
- Sen A. (1999). *Development as Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
- Singh A., Belaisch A., Collyns C., Masi P., Krieger R., Meredith G., Rennhack R. (2005). Stabilization and Reform in Latin America: A Macroeconomic Perspective on the Experience Since the Early 1990s. IMF Occasional Paper № 238. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/op/238/pdf/foreword.pdf> (дата доступа 1.08.2017).
- Stankov P. (2017). *Economic Freedom and Welfare Before and After the Crisis*. L.: Palgrave Macmillan.
- Temin P. (2017). *The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy*. Cambridge: MIT Press.
- Teorell J., Hadenius A. (2006). Democracy without Democratic Values: A Rejoinder to Welzel and Inglehart // *Studies in Comparative International Development*. Vol. 41. № 3. P. 95–111.
- Thorsen D. E., Lie A. (2006). What is Neoliberalism? URL: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf> (дата доступа 5.03.2018).
- Treisman D. (2015). Income, Democracy and Leader Turnover // *American Journal of Political Science*. Vol. 59. №. 4. P. 927–942.
- Van den Bergh J. C. J. M. (2009). The GDP Paradox // *Journal of Economic Psychology*. № 30. P. 117–135.
- Wagner P. (1994). *Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. L.: Routledge.
- Wang Y. (2017). The China Model and the New World Order // *Trends: Research and Advisory*. URL: <http://trendsinstitution.org/the-china-model-and-the-new-world-order/> (дата доступа 11.01.2018).
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H.-D. (2003). The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis // *European Journal of Political Research*. Vol. 42. № 2. P. 341–380.
- World Bank. (2005). *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform*. Washington: World Bank.
- Williamson J. (2003). Our Agenda and the Washington Consensus // *Kuczynski P. P., Williamson J.* (eds.). *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America*. Washington: Institute for International Economics. P. 323–331.

- Wucherpfennig J., Deutsch F. (2009). Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited // *Living Review in Democracy*. Vol. 1. P. 1–9.
- Yakupec V. (2018). *Development Aid: Populism and the End of Neoliberal Agenda*. Berlin: Springer.
- Zakaria F. (1997). The Rise of Illiberal Democracy // *Foreign Affairs*. Vol. 76. № 6. P. 22–43.

Modernization Hypothesis and Neoliberalism

Svitlana Shcherbak

PhD, research officer, Skovoroda's Institute of Philosophy of Ukrainian National Academy of Sciences

Address: Tryokhsvyatitelskaya str., 4, Kiev, Ukraine 01001

E-mail: svedep4@gmail.com

In this article, we discuss the modernization hypothesis in consideration of the causes of democratization related to economic development. The modernization hypothesis was formulated in the mid-twentieth century in the midst of specific economic and socio-political conditions. Since then, both societies and representations of their developments have changed. Current research disregards these transformations; therefore, with this work, we aim to fill the gap. We make clear how the neo-liberal turn influenced representations of economic development and democracy. Realization of the neo-liberal economic policy resulted in important social changes, particularly the rise of inequality and the wave of populism that endangers liberal democracy. At the same time, the modernization hypothesis is based on presumptions that economic development leads to income equalization and the creation of the broad middle class. Our analysis reveals that empirical surveys tend to confirm the relationship between economic development and democracy. However, economic growth does not necessarily entail more equal income distribution. The rise of populism indirectly confirms the rightness of the modernization hypothesis and suggests an important role for class dynamics. Democratization necessitates not only the establishment of liberal institutions but also the transformation of the social structure via convergence of incomes.

Keywords: modernization hypothesis, economic development, democracy, neoliberalism, inequality

References

- Acemoglu D., Robinson J. A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*, New York: Crown Publishers.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2001) The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. *American Economic Review*, vol. 91, no 4, pp. 1369–1401.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2005) From Education to Democracy? *American Economic Review*, vol. 95, no 2, pp. 44–49.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2008) Income and Democracy. *American Economic Review*, vol. 98, no 3, pp. 808–842.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A., Yared P. (2009) Reevaluating the Modernization Hypothesis. *Journal of Monetary Economics*, vol. 56, pp. 1043–1058.
- Albouy D. (2008) The Colonial Origins of Comparative Development: An Investigation of the Settler Mortality Data (NBER Working Paper No 14130). Available at: <http://www.nber.org/papers/w14130> (accessed 28 November 2015).

- Alvaredo, F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. (2017) Global Inequality Dynamics: New Findings from WID.world. *American Economic Review*, vol. 107, no 5, pp. 404–409.
- Ananyin O., Khaikukolov R., Shestakov D. (2010) Washingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv [Washington Consensus: Landscape after Battles]. *World Economy and International Relations*, no 12, pp. 15–27.
- Atkinson A. B. (2015) *Inequality: What Can Be Done?* Cambridge: Harvard University Press.
- Barro R. J. (1996) Democracy and Growth. *Journal of Economic Growth*, vol. 1, pp. 1–27.
- Benhabib J., Corvalan A., Spiegel M. (2013) Income and Democracy: Evidence from Nonlinear Estimations. *Economics Letters*, vol. 118, no 3, pp. 489–492.
- Boix C., Stokes S. C. (2003). Endogenous Democratization. *World Politics*, vol. 55, no 4, pp. 517–549.
- Boushley H., DeLong B. J., Steinbaum M. (eds.) (2017) *After Piketty: The Agenda for Economics and Inequality*, Cambridge: Harvard University Press.
- Brooks C., Manza J. (1994) Do Changing Values Explain the New Politics? A Critical Assessment of the Postmaterialist Thesis Author(s). *Sociological Quarterly*, vol. 35, no 4, pp. 541–570.
- Campbell D. F. J. (2008) The Basic Concept for the Democracy Ranking of the Quality of Democracy. Available at: http://www.democracyranking.org/downloads/basic_concept_democracy_ranking_2008_A4.pdf (accessed 10 June 2017).
- Cervellati M., Jung F., Sunde U., Vischer T. (2014) Income, Democracy, and Critical Junctures (IZA Discussion Paper No 7069). *American Economic Review*, vol. 104, no 2, pp. 707–719.
- Chang J. H. (2010) The Values of Singapore's Youth and Their Parents: A Case Challenging the Adequacy of Inglehart's Interpretation of Top Value Priorities Derived from World Values Surveys. *Journal of Sociology*, vol. 46, no 2, pp. 149–168.
- Cheibab J. A., Vreeland J. R. (2011). Economic Development and Democratization. *The Dynamics of Democratization: Dictatorship, Development and Diffusion* (ed. N. J. Brown), Baltimore: Johns Hopkins University Press, pp. 145–182.
- Clarke S. (2005) The Neoliberal Theory of Society. *Neoliberalism: A Critical Reader* (eds. A. Saad-Filho, D. Johnston), London: Pluto Press, pp. 50–59.
- Colgan I. J., Keohane R. O. (2017) The Liberal Order is Rigged: Fix It Now or Watch It Wither. *Foreign Affairs*, vol. 96, no 3, pp. 36–44.
- Crenson M. A., Ginsberg B. (2002) *Downsizing Democracy: How America Sidelined Its Citizens and Privatized Its Public*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Crouch C. (2010) *Postdemokratia* [Post-democracy], Moscow: HSE.
- Crouch C. (2012) *Strannaya ne-smert neoliberalizma* [The Strange Non-death of Neo-liberalism], Moscow: Delo.
- Crouch C. (2017) *Can Neoliberalism be Saved from Itself?*, London: Social Europe.
- Easterly W., Levine R. (2003) Tropics, Germs, and Crops: The Role of Endowments in Economic Development. *Journal of Monetary Economics*, vol. 50, no 1, pp. 3–39.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. (2006) Democratic Transition. *American Journal of Political Science*, vol. 50, no 3, pp. 551–569.
- Dauderstädt M., Keltek C. (2017) Inequality in Europe Relatively Stable, Absolutely Alarming. *Politik für Europa*, no 2017 plus. Available at: <http://library.fes.de/pdf-files/id/ipa/13354.pdf> (accessed 15 July 2017).
- Deneen P. J. (2018) *Why Liberalism Failed*, New Heaven: Yale University Press.
- Faria H. J., Montesinos-Yufa H. M., Morales D. R. (2014) Should the Modernization Hypothesis Survive Acemoglu, Johnson, Robinson, and Yared? Some More Evidence. *Econ Journal Watch*, vol. 11, no 1, pp. 17–36.
- Fawcett E. (2014) *Liberalism: The Life of an Idea*, Princeton: Princeton University Press.
- Friedman M. (1992) *Capitalism and Freedom*, Chicago: Chicago University Press.
- Freeman J. R., Quinn D. P. (2012) The Economic Origins of Democracy Reconsidered. *American Political Science Review*, vol. 106, no 1, pp. 58–80.
- Fraser N. (2017) The End of Progressive Neoliberalism. *Dissent*. Available at: https://www.dissentmagazine.org/online_articles/progressive-neoliberalism-reactionary-populism-nancy-fraser (accessed 4 February 2017).

- Fukuyama F. (2014) *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*, New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Geddes B. (2009) What Causes Semocratization? *The Oxford Handbook of Comparative Politics* (eds. C. Boix, S. C. Stokes), Oxford: Oxford University Press, pp. 317–339.
- Giles Ch. (2014) Thomas Piketty's Exhaustive Inequality Data Turn Out to Be Flawed. *Financial Times*, May 23. Available at: <https://www.ft.com/content/c9ce1a54-e281-11e3-89fd-00144feabdco> (accessed 3 May 2017).
- Gundlach E., Paldam M. (2009) A Farewell to Critical Junctures: Sorting Out Long-Run Causality of Income and Democracy. *European Journal of Political Economy*, vol. 25, no 3, pp. 340–354.
- Harvey D. (2005) *A Brief History of Neoliberalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Heid B., Langer J., Larch M. (2012) Income and Democracy: Evidence from System GMM Estimates. *Economics Letters*, vol. 116, no 2, pp. 166–169.
- Huntington S. P. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Ikenberry G. J. (2018) The End of Liberal International Order. *International Affairs*, vol. 94, no 1, pp. 7–23.
- Inglehart R. (2008) Changing Values among Western Publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, vol. 31, no 1–2, pp. 130–146.
- Inglehart R., Welzel C. (2010) Changing Mass Priorities: The Link between Modernization and Democracy. *Perspectives on Politics*, vol. 8, no 2, pp. 551–567.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2011) Modernizacija, kulturne izmenenija i demokratija: posledovatelnost chelovecheskogo razvitija [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Human Development Sequence], Moscow: Novoe izdatelstvo.
- Irwin N. (2014) Thomas Piketty Responds to Criticism of His Data. *The New York Times*, May 29. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/05/30/upshot/thomas-piketty-responds-to-criticism-of-his-data.html?mcubz=0> (accessed 5 May 2017).
- Jacobsen J. (2015) Revisiting the Modernization Hypothesis: Longevity and Democracy. *World Development*, vol. 67, pp. 174–185.
- Jones Ch. I., Klenow P. J. (2016) Beyond GDP? Welfare across Countries and Time. *American Economic Review*, vol. 106, no 9, pp. 2426–2457.
- Kapelushnikov R. (2017) Neravenstvo: kak ne primitivizirovat' problem [Inequality: How Not to Simplify the Problem]. *Voprosy ekonomiki*, no 4, pp. 117–139.
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017). Gipoteza Olsona—Hantingtona o krivolinejnoj zavisimosti mezhd urovnem jekonomicheskogo razvitija i social'no-politicheskoj destabilizacii: opyt kolichestvennogo analiza [Olson—Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis]. *Russian Sociological Review*, vol. 16, no 1, pp. 9–49.
- Kutuev P. (2005) *Koncepcii' rozvytku ta modernizacii' v sociologichnomu dyskursi: evolucija doslidnyč'kyh program* [Development and Modernization Concepts in Sociological Discourse: Evolution of Research Programs], Kiev: Stal.
- Kuznets S. (1955) Economic Growth and Income Inequality. *American Economic Review*, vol. 45, no 1, pp. 1–28.
- Lee Ch. H. (2001) From Financial to Democratic Crisis in Asia. *Project Syndicate*. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/from-financial-to-democratic-crisis-in-asia#ycsT5m22QmOP3FwC.99> (accessed 5 September 2015).
- Levin-Waldman (2016) How Inequality Undermines Democracy. *E-International Relations*, 10 December. Available at: <http://www.e-ir.info/2016/12/10/how-inequality-undermines-democracy/> (accessed 10.04.2016).
- Levy J. S. (1994) The Democratic Peace Hypothesis: From Description to Explanation. *Mershon International Studies Review*, no 38, pp. 352–354.
- Lipset S. M. (1959) Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy. *American Political Science Review*, vol. 53, no 1, pp. 69–105.

- Mann M. (2013). *The Sources of Social Power, Vol. 4: Globalizations, 1945–2011*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mesquita de B. B., Downs G. W. (2005) Development and Democracy. *Foreign Affairs*, vol. 84, no. 5, pp. 77–86.
- Milanović B. (2016) *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*, Cambridge: Belknap Press.
- Miller C. (2018) The Surprising Success of Putinomics. *Foreign Affairs*, 7 February. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-federation/2018-02-07/surprising-success-putinomics> (accessed 23 February 2018).
- Moral-Benito E., de Espana B., Bartolucci C., Alberto C. C. (2012) Income and Democracy: Revisiting the Evidence. *Economics Letters*, vol. 117, no 3, pp. 844–847.
- Moore B. (1966) *Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of the Modern World*, Boston: Beacon Press.
- Mouffe Ch. (2000) *The Democratic Paradox*, London: Verso.
- Mouffe Ch. (2013) Postdemokratija i postpolitika [Post-democracy and Post-politics]. *Gefter*. Available at: <http://gefeter.ru/archive/10510> (accessed 7 April 2016).
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2017) *Populism: A Very Short Introduction*, Oxford: Oxford University Press.
- Mukand S., Rodrik D. (2015) The Political Economy of Liberal Democracy (NBER Working Paper No 21540). Available at: <http://www.nber.org/papers/w21540> (accessed 18 November 2015).
- Nino-Zarazua M., Roope L., Tarp F. (2016) Global Inequality: Relatively Lower, Absolutely Higher. *Review of Income and Wealth*. Available at: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/roiw.12240/full> (accessed 20 July 2017).
- North D. (1997) *Instituty, institucionalnye izmenenija i funkcionirovanie jekonomik* [Institutions, Institutional Change and Economic Performance], Moscow: Nachala.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i socialnye porjadki* [Violence and Social Orders], Moscow: Gaidar Institute Press.
- O' Donnell G. (1973) *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism: Studies in South American Politics*, Berkeley: University of California Press.
- Patterson O. (2014) The Privatization of Freedom in America: Its Meaning and Consequences (Working Paper). Available at: <https://scholar.harvard.edu/patterson/publications/privatization-freedom-america-its-meaning-and-consequences> (accessed 3 March 2018).
- Piketti T. (2015) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century], Moscow: Ad Marginem.
- Pirie I. (2013) Globalization and the Decline of the Developmental State. *Beyond the Developmental State: Industrial Policy into the Twenty-First Century* (eds. B. Fine, J. Saraswati, D. Tavasci), London: Pluto Press, pp. 146–168.
- Przeworski A. (2004) Democracy and Economic Development. *The Evolution of Political Knowledge: Democracy, Autonomy, and Conflict in Comparative and International Politics* (eds. E. D. Mansfield, R. Sisson), Columbus: Ohio State University Press, pp. 300–324.
- Przeworski A. (2004) The Last Instance: Are Institutions the Primary Cause of Economic Development? *European Journal of Sociology*, vol. 45, no 2, pp. 165–188.
- Przeworski A., Cheibub J. A., Alvarez M.E., Limongi F. (2000) *Democracy and Development: Political Institutions and Material Well-being in the World, 1950–1990*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Przeworski A., Limongi F. (1997) Modernization: Theories and Facts. *World Politics*, vol. 49, no 2, pp. 155–183.
- Reinert E. S. (2014) *Kak bogatyje strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostajutsja bednymi* [How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor], Moscow: HSE.
- Rodrik D. (2011) *The Globalization Paradox: Democracy and the Future of World Economy*, New York: W. W. Norton & Company.
- Rodrik D. (2006) Good Bye Washington Consensus, Hello Washington Confusion?. Available at: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/goodbye-washington.pdf> (accessed 15 October 2016).
- Rudnev M. (2011) Prichiny i sledstvija izmenenija massovyh cennostej (recenzija na knigu: Ingllhart R., Vel'cel' K. 2011. Modernizacija, kul'turnye izmenenija i demokratija. M.: Novoe izdatel'stvo)

- [Reasons and Consequences of Mass Value Transformation (Book Review: Inglehart R., Welzel Ch. 2010. Modernizacija, kulturnye izmenenija i demokratija: posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya. Moscow: Novoe izdatelstvo)]. *Economic Sociology*, vol. 12, no 2, pp. 138–143.
- Sachsenmaier D. (2002) Multiple Modernities: The Concept and Its Potential. *Reflections on Multiple Modernities: European, Chinese and Other Interpretations* (eds. D. Sachsenmaier, S. Eisenstadt, J. Riedel), Leiden: Brill, pp. 42–67.
- Saez E., Zucman G. (2016) Wealth Inequality in the United States since 1913: Evidence from Capitalized Income Tax Data. *Quarterly Journal of Economics*, vol. 131, no 2, pp. 519–578.
- Sandel M. (2009) *Justice: What's the Right Thing to Do*, New York: Farrar, Straus & Giroux.
- Sen A. (1999) *Development as Freedom*, Oxford: Oxford University Press.
- Singh A., Belaisch A., Collyns C., Masi P., Krieger R., Meredith G., Rennhack R. (2005) Stabilization and Reform in Latin America: A Macroeconomic Perspective on the Experience Since the Early 1990s (IMF Occasional Paper 238). Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/op/238/pdf/foreword.pdf> (accessed 1 August 2017).
- Stankov P. (2017) *Economic Freedom and Welfare Before and After the Crisis*, London: Palgrave Macmillan.
- Stiglitz D. (2016) *Cena neravenstva: chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu* [The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future], Moscow: Eksmo.
- Temin P. (2017) *The Vanishing Middle Class: Prejudice and Power in a Dual Economy*, Cambridge: MIT Press.
- Teorell J., Hadenius A. (2006) Democracy without Democratic Values: A Rejoinder to Welzel and Inglehart. *Studies in Comparative International Development*, vol. 41, no 3, pp. 95–111.
- Thorsen D. E., Lie A. (2006) What is Neoliberalism?. Available at: <http://folk.uio.no/daget/neoliberalism.pdf> (accessed 5 March 2018).
- Treisman D. (2015) Income, Democracy and Leader Turnover. *American Journal of Political Science*, vol. 59, no 4, pp. 927–942.
- Tokarev A. (2014) Rejtingi demokratii: ot angazhirovannosti k nauke [Democracy Indexes: From Commitment to Science]. *Perspektivy*. Available at: http://www.perspektivy.info/misl/idea/rejtingi_demokratii_ot_angazhirovannosti_k_nauke_2014-03-06.htm (accessed 11 June 2017).
- Van den Bergh J. C. J. M. (2009) The GDP Paradox. *Journal of Economic Psychology*, no 30, pp. 117–135.
- Voitolovsky F. (2007) *Edinstvo i razobshhennost' Zapada: ideologichnoe otrazhenie v soznanii jelit SShA i Zapadnoj Evropy transformacij politicheskogo miroporjadka, 1940–2000-e gg.* [The Unity and Disunity of the West: Ideological Reflection in the US and European Elites' Mind of Transformation of the Political World Order, 1940–2000], Moscow: Kraft+.
- Wagner P. (1994) *Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*, London: Routledge.
- Wang Y. (2017) The China Model and the New World Order. *Trends: Research and Advisory*. Available at: <http://trendsinstitution.org/the-china-model-and-the-new-world-order/> (accessed 11 January 2018).
- Welzel C., Inglehart R., Klingemann H-D. (2003) The Theory of Human Development: A Cross-Cultural Analysis. *European Journal of Political Research*, vol. 42, no 2, pp. 341–380.
- World Bank (2005) *Economic Growth in the 1990s: Learning from a Decade of Reform*, Washington: World Bank.
- Williamson J. (2003) Our Agenda and the Washington Consensus. *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America* (eds. P. P. Kuczynski, J. Williamson), Washington: Institute for International Economics, pp. 323–331.
- Wucherpfennig J., Deutsch F. (2009) Modernization and Democracy: Theories and Evidence Revisited. *Living Review in Democracy*, vol. 1, pp. 1–9.
- Yakupec V. (2018) *Development Aid: Populism and the End of Neoliberal Agenda*, Berlin: Springer.
- Zakaria F. (1997) The Rise of Illiberal Democracy. *Foreign Affairs*, vol. 76, no 6, pp. 22–43.